

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.15393/j9.art.2021.10262

«Арабески» Н. В. Гоголя: единство композиции и проблематики цикла

И. А. Виноградов

Институт мировой литературы им. А. М. Горького,

Российская академия наук

(г. Москва, Российская Федерация)

e-mail: info@imli.ru

Аннотация. В статье исследованы единство проблематики и авторские принципы композиции сборника Н. В. Гоголя «Арабески» (1835). Неочевидные на первый взгляд единство и цельность этой поэтической энциклопедии писателя становятся явными через освещение сквозных тем и мотивов цикла, многочисленных взаимосвязей и перекличек между входящими в сборник статьями, эссе и повестями. Установлено, что организующим началом цикла являются размышления писателя религиозно-политического характера. С точки зрения этой главной составляющей подробно проанализированы все восемнадцать произведений сборника. Впервые освещается влияние на раннее творчество Гоголя духовной литературы — житий святых, святоотеческих творений, значение для повестей «Арабесок» статей «Добротолубия» — известного собрания произведений по молитвенно-созерцательному опыту монашеской жизни. Отмечен духовный аспект размышлений писателя над историей, искусствами, народным творчеством, мировой литературой, поэзией А. С. Пушкина. Затронута полемика Гоголя с положениями одного из родоначальников немецкого романтизма В. Г. Вакенродера. Проанализированы поставленные в сборнике проблемы противостояния старости и юности, «чувственной» жизни и поэзии духовности, прослежено изображение «раздробленности» жизни как отличительной черты современности. Выявлена органичная соотнесенность «Арабесок» с предшествующим и последующем творчеством писателя — с юношеской поэмой «Ганц Кухельгартен», циклом «Миргород», «Мертвыми душами», «Театральным разездом после представления новой комедии», «Выбранными местами из переписки с друзьями» и др. Подчеркивается непротиворечивость творческого пути писателя и цельный духовно-нравственный характер его наследия.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, биография, творчество, цикл, жанр, композиция, авторская концепция, интерпретация, искусство, В. Г. Вакенродер, историзм, святоотеческое наследие

Для цитирования: Виноградов И. А. «Арабески» Н. В. Гоголя: единство композиции и проблематики цикла // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 4. С. 234–304. DOI: 10.15393/j9.art.2021.10262

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2021.10262

The “Arabesques” Cycle by N. V. Gogol: Unity of Composition and Problems

Igor' A. Vinogradov

A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

e-mail: info@imli.ru

Abstract. The unity of the problematics and the author's composition principles in N. V. Gogol *Arabesques* (1835) are investigated. The ambiguous unity and integrity of this poetic encyclopedia manifest through the exposure of the recurring themes and motifs of the cycle, the numerous interconnections and overlaps between the articles, essays and stories included in the collection. It is established that the writer's reflections of a religious and political nature are the consolidating source of the cycle. All eighteen works in the collection are analyzed in detail in relation to this key component. For the first time, the influence of spiritual literature — hagiographic and patristic works, the significance of the articles of “Philokalia” — a well-known collection of works on the prayer-contemplative experience of monastic life — in the early works of Gogol is examined. The spiritual aspect of the writer's reflections on history, arts, folk art, world literature and A. S. Pushkin's poetry is noted. Gogol's polemic with the views of one of the founders of German romanticism, V. G. Wackenroder, is touched upon. The problems posed in the collection, such as the antagonism between old age and youth, “sensual” life and the poetry of spirituality are analyzed, depiction of the “fragmentation” of life as a distinctive feature of modernity is traced. The organic correlation of *Arabesques* with the previous and subsequent works of the writer is revealed, i.e., with his early poem “Ganz Kuchelgarten,” the *Mirgorod* cycle, *Dead Souls*, *Theatrical tour after the presentation of a new comedy*, *Selected passages from correspondence with friends*, etc. The author emphasizes the consistency of the writer's creative path and the integral spiritual and moral nature of his legacy.

Keywords: N. V. Gogol, biography, creativity, cycle, genre, composition, author's concept, interpretation, art, V. G. Wakenroder, historicism, patristic heritage

For citation: Vinogradov I. A. The “Arabesques” Cycle by N. V. Gogol: Unity of Composition and Problems. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2021, vol. 19, no. 4, pp. 234–304. DOI: 10.15393/j9.art.2021.10262 (In Russ.)

На интерес у читателей к сборнику Н. В. Гоголя «Арабески» (1835) указывает то, что за последние три десятилетия в свет вышли три переиздания книги — причем два в один и тот же год [Гоголь, 1990; 2009а; 2009б]. Этот литературно-научный сборник объединил под одной обложкой произведения нескольких, самых разнообразных жанров, расположенных в особом, не связанном с их жанровой принадлежностью порядке. Сборник составили шесть художественно-искусствоведческих и критических эссе, семь исторических и географических статей, пять художественных произведений¹.

Несмотря на разножанровый и разновременный состав сборника, на его последующую судьбу (в 1842 г. Гоголь не включил «Арабески» в собрание своих сочинений)², а также на само название («арабески» — арабская роспись, причудливое смешение разнородных элементов) и на соответствующий подзаголовок «*Разные сочинения Н. Гоголя*», — «Арабески», однако, не являются каким-то дополнительным «складочным местом» (7; 462) для тех произведений, которые не вошли в другие сборники. Изначально цикл задумывался как некая поэтическая энциклопедия, своим разнообразием призванная показать универсальность и широту миросозерцания автора. Совмещая научные и художественные произведения в одном сборнике, Гоголь подчеркивал, что художник является таким же исследователем жизни, глубоким аналитиком, как и ученый. Он не является лишь сочинителем развлекательных «побасенок», как это порой представляли себе не только обыватели, рассуждавшие, что «писать можно не учившись» (3/4; 466; «Театральный разъезд после представления новой комедии»), но и некоторые тогдашние критики, вроде В. Г. Белинского, настаивавшего на «бессознательности» художественного творчества [Виноградов, 2018: 52–53]. Согласно предисловию к «Арабескам», оправдание размещению в сборнике «молодых» своих «пиэс» Гоголь видит в «двух, трех еще не сказанных истинах» (7; 254). В четвертой статье книги — «О преподавании Всеобщей истории» — писатель добавляет, что его обзор «потому необходим, что он наводит на мысли и заставляет слушателей думать»: «Ум тогда быстрее развивается, когда сам предлагает себе великий и поэтический вопрос» (6; 283).

Явно по аналогии со своим ранним рукописным собранием «Книга всякой всячины, или подручная Энциклопедия» (1826–1830) Гоголь дважды в письмах шуточно называет «Арабески» «всякой всячиной»: «Печатаю я всякую всячину. Все сочинения и отрывки, и мысли, которые меня иногда занимали» (10; 281; письмо к М. П. Погодину от 14 декабря 1834 г.); «Посылаю тебе всякую всячину мою» (11; 8; письмо к нему же от 22 января 1835 г.). «Посылаю тебе сумбур, смесь всего, кашу...» — добавляет он в письме от того же числа к М. А. Максимовичу (11; 9).

По мнению П. Г. Паламарчука, характеризуя свою книгу «довольно уничижительно», «ёрническим пошибом», Гоголь делает это «в колеблющейся неуверенности», не зная, как будет принято его новое детище [Паламарчук: 379]. В то же время очевидно, что книга действительно представляет собой намеренную «смесь» разнородных произведений. Показательно, что темы статей «Взгляд на составление Малороссии», «О малороссийских песнях», «О Средних веках», последовательно публиковавшихся ранее, в 1834 г., в «Журнале Министерства Народного Просвещения», мыслятся Гоголем вплоть до конца 1835 г. в неразрывном единстве. Свидетельством этого может служить официальный «Отчет по Санктпетербургскому учебному округу за 1835 год», где сообщается о занятиях и научных планах Гоголя (см.: [Виноградов. Летопись: т. 2; 468]. Если уже в первом плане «Арабесок» (от июля 1834 г.) (7; 701) названия этих трех статей перемежаются другими произведениями (что диктуется складывающейся композицией сборника), то в позднейшем «Отчете...» они вновь оказываются в тесном соседстве: здесь говорится о работе Гоголя над «Историей малороссиян», сочинением «о духе и характере народной поэзии славянских народов» и «Историей Средних веков».

Один из важных композиционных принципов Гоголя заключается в том, что, «смешивая» в сборнике «разные» произведения, писатель стремился придать книге большую занимательность. О таком подходе он сам сообщал в одной из статей «Арабесок»: «Истинный эффект заключен в резкой противоположности; красота никогда не бывает так ярка

и видна, как в контрасте» (7; 262; «Об архитектуре нынешнего времени»). Есть основания полагать, что эти строки отражают не только представления Гоголя об эстетике архитектуры, но заключают в себе и более общие теоретические воззрения писателя, т. е. рассматривать их можно как одно из объяснений композиции «Арабесок»: «Контраст тогда только бывает дурен, когда располагается грубым вкусом или, лучше сказать, совершенным отсутствием вкуса, но, находясь во власти тонкого, высокого вкуса, он первое условие всего и действует ровно на всех. <...> Все зависит от вкуса и от умения расположить <...> Чем более в городе памятников разных родов зодчества, тем он интереснее...» (7; 262–263). П. В. Анненков, вспоминая о пребывании с Гоголем в Италии летом 1841 г., сообщал о художественных принципах писателя: «Николай» В^{асильевич}, случалось, воодушевлялся как живописец (он, как известно, сам порядочно рисовал). Раз он сказал мне: “Если бы я был художник, я бы изобрел особенного рода пейзаж. Какие деревья и лан<д>шафты теперь пишут! Все ясно, разобрано, прочтено мастером, а зритель по складам за ним идет. Я бы сцепил дерево с деревом, перепутал ветви, выбросил свет, где никто не ожидает его, вот какие пейзажи надо писать!”...» [Виноградов. Летопись: т. 3; 557] (слова Гоголя, в частности, перекликаются с его описанием сада Плюшкина в шестой главе первого тома «Мертвых душ»: 5; 109–110). 14 декабря 1834 г. Гоголь писал Погодину по поводу «Московского Наблюдателя»: «...Скажи журналистам, чтобы думали о том только, чтобы потолще книжки были и побольше было в них всякой пестроты» (10; 281).

Еще одной причиной, обусловившей стремление Гоголя в 1834 г. собрать в «Арабесках» разножанровые произведения, не охваченные другими сборниками — «Вечерами на хуторе близ Диканьки» и «Миргородом», является, по-видимому, намерение писателя представить свое творчество в виде некоего итогового «собрания сочинений» в трех томах: первым томом должно было стать второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (вышло позднее), вторым — «Миргород»; третьим — «Арабески» [Виноградов. Летопись: т. 2; 375].

Однако не менее важными представляются смысловые, идейные мотивы, определившие композицию книги. Разножанровость и энциклопедичность «Арабесок» как «смеси всего» Гоголь, по-видимому, осмыслял еще и как характерную черту самой современности — и намеренно, для усиления сходства, размещал в сборнике в тесном соседстве разнородные произведения. Такая композиция диктовалась стремлением представить книгу как своего рода «формулу времени», как некое выражение современного сознания в целом. Признаки «раздробленности» являют собой одну из сторон особого художественного замысла «Арабесок». Этот мотив нашел отражение не только в композиции цикла, но и непосредственно в содержании целого ряда его произведений — в статьях «О Средних веках», «Об архитектуре нынешнего времени», «Ал-Мамун», «Последний день Помпеи», в повестях «Портрет», «Невский проспект», «Записки сумасшедшего» (см. заключительный, XVIII раздел наст. статьи).

При этом — несмотря на внешний «сумбур, смесь всего, кашу» (11; 9) — содержание сборника в целом носит идейно мотивированный, единый по замыслу характер. В композиции просматривается строгая логика и продуманная последовательность. Сам Гоголь в одной из статей сборника подчеркивал, что только «поэт, не имеющий обширного гения, <...> недоволен одним простым сюжетом, и, вместо того чтобы развить его и сделать огромным, он привязывает к нему множество других; его поэма обременяется пестротой разных предметов, но не имеет одной господствующей мысли и не выражает одного целого» (7; 259; «Об архитектуре нынешнего времени»). Содержание статей, составивших сборник, обнаруживает органичную цельность мировоззрения автора.

Наиболее важным организующим началом цикла служит религиозно-патриотическая составляющая. «Арабески» несут в себе отражение «ключевой» эпохи в истории XIX в. (см. об этом: [Паламарчук: 381]). Они в значительной степени являются результатом сотрудничества Гоголя в 1834 г. с министром народного просвещения С. С. Уваровым, провозгласившим в 1832–1834 гг. следование началам Православия, Самодержавия, Народности [Виноградов. Летопись: т. 2; 198, 284–285], [Виноградов, 2019а].

Однако проявление этого организующего начала — принципиально важного для вызревания самого замысла «Арабесок» — носит в произведениях цикла в значительной мере подспудный, не очевидный характер. Патриотические и верноподданнические чувства в сборнике по большей части сдержаны — и этому тоже есть свое объяснение. Сдержанность Гоголя в этих вопросах носит, по-видимому, такой же намеренный, нарочитый характер. Не случайно во втором томе «Мертвых душ» Гоголь «проговаривался», отмечая радость «ученика, когда пред ним раскрывалась какая-*<нибудь>* труднейшая фраза и обнаруживается настоящий смысл мысли великого писателя» (5; 363). Помимо цензурных соображений, излагать свои мысли по принципу «два пишем, три в уме» Гоголя побуждало еще одно немаловажное обстоятельство. Причины осторожности вполне могут быть поняты из позднейших строк писателя о «двух *<...>* лучших сочинениях» Пушкина — о верноподданнических стихотворениях поэта 1828 и 1832–1834 гг. «Друзьям» («Нет, я не льстец, когда Царю / Хвалу свободную слагаю...») и «К Н***» («С Гомером долго ты беседовал один...») [Виноградов, 2016а]. По словам Гоголя, Пушкину, «вследствие всякого рода *<...>* газетных возгласов, писанных слогом помадных объявлений, *<...>* всяких *<...>* выходок, производимых *<...>* квасными и неквасными патриотами», «было опасно выходить»: «...Его бы как раз назвали подкупным или чего-то ищущим человеком» — «льстецом или угодником» (6; 48–49).

Гоголь подразумевал лицемерные патриотизм, консерватизм и показную набожность литераторов круга Ф. В. Булгарина. О ближайших типажах этих представителей и зачинателей «торгового направления» в русской литературе герой заключительной повести «Арабесок» восклицает: «...Аренды, аренды хотят эти патриоты!...». Сам Булгарин, будучи поляком, по вероисповеданию — католиком, служил в 1812 г. в войсках Наполеона, потом был другом декабристов, затем стал сотрудником III Отделения Императорской канцелярии. На фоне «этих патриотов» — псевдо-консерваторов булгаринского типа — достойнее было в выражении религиозно-патриотических взглядов сохранять тактичную сдержанность: «чрез

то святыня высокого чувства» была «сохранена» (6; 49). Точно те же чувства Гоголь выказывал позднее, когда, выговаривая приятелю К. С. Аксакову за его неумеренный, резко оппозиционный по отношению к правящему Петербургу «патриотизм», писал: «Чувствуете ли вы страшную истину сих слов: Не приемли имени Господа Бога твоего всуе?» (12; 157; письмо от 28 ноября (н. ст.) 1842 г.). Гоголь считал, что своим незумением Аксаков, «просто охаивал всякую вещь», какую проповедовал (13; 388; письмо к Н. М. Языкову от 5 октября (н. ст.) 1846 г.). В статье «О том, что такое слово» Гоголь подчеркивал: «Чем истины выше, тем нужно быть осторожнее с ними <...>. Не столько зла произвели сами безбожники, сколько <...> лицемерные или <...> просто неприготовленные проповедатели Бога...» (6; 21).

Целый ряд произведений «Арабесок» служат, в частности, авторским комментарием к напечатанной в другом сборнике — «Миргороде» — героико-патриотической повести «Тарас Бульба» [Виноградов, 2009b: 490]. (Гоголь дважды пытался представить эту повесть на прочтение Императору [Виноградов. Летопись: т. 2; 380; т. 3; 31].) «Продолжением» «Тараса Бульбы» выступают в «Арабесках» статьи «Взгляд на составление Малороссии», «О малороссийских песнях», «О Средних веках». Дополнительный реально-исторический комментарий к «Тарасу Бульбе» — с изображением бесчинств польских панов на Украине, накануне «той години, когда хищно ворвалась в нее уния» (7; 176), — представляют в сборнике два отрывка из незавершенного романа «Гетьман» — «Глава из исторического романа» и «Пленник. (Отрывок из исторического романа)».

В целом ряде статей «Арабесок» решаются религиозные и государственные вопросы. Они ставятся здесь не только открыто, но и через обличение недостойных явлений. В основе деятельности Гоголя как мыслителя-государственника и одновременно писателя-сатирика всегда лежало следование государственным законам и церковным установлениям [Виноградов, 2020b]. Вопросы, которые в «Арабесках» не обнаруживают прямой, очевидной связи с этой проблематикой, являют сопряженность с ней через свое содержание. Такой

характер носит, к примеру, вопрос о народных обычаях, которым Гоголь уделяет пристальное внимание. По поводу историка И. Миллера (Мюллера) в статье «Шлецер, Миллер и Гердер» он пишет: «Главный результат, царствующий в его истории, есть тот, что народ тогда только достигает своего счастья, когда сохраняет свято обычаи своей старины, свои простые нравы и свою независимость» (7; 321). «На то и живет человек, чтобы защищать веру и обычай», — замечают казаки в «Тарасе Бульбе» (7; 228). Объяснение того, как связана эта тема с государственной проблематикой, находится в статье «О движении народов в конце V века»: «...Обычаи обыкновенно сильнее самих законов» (7; 330). («...Обычай сильнее всякого письменного закона...»), — повторял позднее Гоголь в статье «Занимающему важное место» — 6; 151.)

Патриотический и религиозный пафос «Арабесок» сближает их с главным произведением Гоголя — поэмой «Мертвые души». Само создание «Арабесок» и «Миргорода» (а затем — и поэмы) во многом объясняется тем переживанием, которым Гоголь за год до завершения сборников поделился в письме к матери: «У меня болит сердце, когда я вижу, как заблуждаются люди. Толкуют о добродетели, о Боге, и между тем не делают ничего» (10; 227; письмо от 2 октября 1833 г.). «Ныла душа моя, — добавлял позднее Гоголь в “Театральном разезде после представления новой комедии” (1842), — когда я видел, как много тут же, среди самой жизни, безответных, мертвых обитателей, страшных недвижным холодом души своей и бесплодной пустыней сердца...» (3/4; 469). В каждом произведении «Арабесок» религиозно-патриотическая составляющая, являющаяся объединяющим началом цикла, выражается вполне конкретно.

I. Зачин сборника — статья «Скульптура, живопись и музыка». Статья открывается с выражения благодарности Творцу за ниспосланные искусства — архитектуру, скульптуру, живопись, музыку (архитектура в этой статье, хотя и не вынесена в заглавие, но тоже упоминается; кроме того, архитектуре посвящена в «Арабесках» отдельная, восьмая по счету, статья — «Об архитектуре нынешнего времени»).

Поэзию чувственной жизни Гоголь связывает со скульптурой, которую, по его словам, «напрасно хотели изобразить <...> высокие явления христианства»: «возвышенные <...> мысли <...> поглощались в ней чувственностью» (6; 287). В других статьях «Арабесок» Гоголь сравнивает с древней скульптурой картину Брюллова «Гибель Помпеи» (эссе «Последний день Помпеи») и антологические стихотворения Пушкина (статья «Несколько слов о Пушкине»). Позднее в «Учебной книге словесности для русского юношества» чувства, выраженные в «мелком антологическом стихотворении», он называл «почти прозаическими и чувственными» (6; 325).

Чувственность скульптуры отступает, по Гоголю, перед одухотворенностью жизни, воплощенной в живописи и музыке. Живопись и музыку христианство, по словам Гоголя, «воздвигнуло из ничтожества», превратило в «исполинское» тем, что «исторгнула» их «из границ чувственного мира» (6; 286). (Десять лет спустя Гоголь соответственно называл искусства «незримыми ступенями к христианству»; см. статью «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности» — 6; 58–59.) Вершиной искусств называется «могущественная музыка», которая, вслед за живописью, «стремительно обращает» человека прямо к Богу (6; 288).

Исключительное значение музыки Гоголь подчеркивает также в другой статье «Арабесок» — «О малороссийских песнях»: «Поэзия мыслей более доступна каждому, нежели поэзия звуков, или, лучше сказать, поэзия Поэзии» [Гоголь, 1835: т. 2; 112–113]. Позднее Гоголь, напротив, указывал на превосходство слова перед музыкой, замечая, что «звуки души и сердца, выражаемые словом, в несколько раз разнообразнее музыкальных звуков» (6; 60). Тем самым Гоголь вступил в полемику с разделяемыми им ранее романтическими представлениями о исключительной роли музыки, с которыми, в частности, познакомился по известной книге немецкого писателя и музыканта В. Г. Вакенродера «Об искусстве и художниках» (переведенной в 1826 г. С. П. Шевыревым, В. П. Титовым и Н. А. Мельгуновым). О музыке музыкант Вакенродер писал: «О важности искусства я нашел примечательное место в сочинениях <...> Мартина Лютера, <...> которые <...> заключают в себе много прекрасного. Сей муж между прочим

утверждает смело и решительно, что после Богословия между всеми науками и искусствами человеческого духа первое место занимает Музыка. <...> ...Премудрая Муза Поэзии <...> <и> важная Муза живописания отдадут преимущество <...> в хвалении Всевышнего третьей сестре своей...» [Вакенродер: 74–75, 274].

Исследователи настаивают на едва ли не «первостепенном» значении идей Вакенродера для творчества Гоголя (см., напр.: [Дерюгина: 515]). Следует, однако, иметь в виду, что при всем внешнем сходстве, при наличии целого ряда перекличек и сходных образов влияние немецкого романтика на Гоголя не могло быть глубоким. Причина тому — определенная тенденция, присущая западному автору. Даже «возвращение» к католицизму сочетается у Вакенродера с недвусмысленным стремлением создать в этой традиционной христианской конфессии «свою» новую художественную «религию», с соответствующим пантеоном новых «святых» — художников. Этому, по сути, посвящены все размышления Вакенродера в его книге: «...Мы должны крепкою рукою держаться за *Искусство*, великое, непреложное, возвышающее чело свое к вечности!» [Вакенродер: 285–286]. Художника Вакенродер прямо приравнивает к церковному пастырю: «...Мне кажется естественным <...> в мире искусства добровольно поверять <...> правящему в оном Промыслу. <...> Истинный образец сему я вижу в тех <...>, которых Небо избрало <...> к пастырскому сану. <...> Таковым <...> должен быть и тот <...>, который <...> восхотел бы <...> преклониться пред Искусством...» [Вакенродер: 271–272]. Ангажированное стремление Вакенродера придать ореол «святости» представителям его ремесла — художникам и музыкантам, древним и новым, — слишком очевидно в его сочинении — и не могло не вызвать принципиальной полемики с ним Гоголя (см. ниже X раздел наст. статьи).

Статья Гоголя о скульптуре, живописи и музыке представляет собой своего рода гимн искусству и самой «поэзии жизни» (6; 278; выражение из четвертой статьи «Арабесок» «О преподавании Всеобщей Истории»). По словам Гоголя (в этой заглавной статье сборника), мир без искусств был бы «пустыня и без пения катился бы по своему пути» (6; 285). Позднее

в «Театральном разъезде после представления новой комедии» (итоговом произведении издания сочинений 1842 г.) Гоголь прямо повторил эти размышления, защищая литературу: «Побасенки!.. Но мир задремал бы без таких побасенок, обмелела бы жизнь, плесенью и тиной покрылись бы души» (3/4; 469). Этот основополагающий мотив гоголевского творчества был воплощен писателем еще в юношеской поэме «Ганц Кюхельгартен» (1827). Ранняя поэма тоже проникнута восхищением перед искусствами, сравнительно с «пустыней» бездуховной современности: «О, как чудесно вы свой мир / Мечтою, греки, населили! / Как вы его обворожили! / А наш — и беден он, и сир, / И расквадрачен весь на мили» (7; 20). В статье «Скульптура, живопись и музыка» ставится проблема, обращенная к современности: «Но если и музыка нас оставит, что будет тогда с нашим миром?» (6; 288). Гибель искусств, возвышающих дух человека, знаменует гибель самой души: «...Соблазнительная цепь утонченных изобретений роскоши <...> порывается заглушить и усыпить наши чувства» (6; 288; «Скульптура, живопись и музыка»); «...Гибнет вкус человека в ничтожном и временном, тогда как он был бы заметен в неподвижном и вечном» (7; 272–273; «Об архитектуре нынешнего времени»).

II. Вторая статья «Арабесок» посвящена Средним векам — наиболее любимому Гоголем периоду мировой истории, ценному писателем за одухотворенность (противоположную «старческому» меркантилизму современности), а также за совершенное тогда христианством «великое преобразование всего мира» (7; 178) (такое же, как указанное выше преобразование христианством «из ничтожества» живописи и музыки). (Статьей «О Средних веках» «Арабески», согласно первоначальному плану июля 1834 г., должны были открываться — 7; 701. Именно Средние века Гоголь избрал тогда для себя в качестве курса подготовленных им университетских лекций.) В статье отмечается «юношеский» характер эпохи: «...всё — порождение юношества прекрасного, исполненного самых сильных и великих надежд, часто безрассудного, но пленительного и в самой безрассудности» (7; 182). Подчеркивается, что в главное предприятие Средних веков — «юношеские»

Крестовые походы — не входила «ни одна личная выгода» (7; 181), а в духе рыцарских орденов, осуществлявших «защиту Веры Христовой», заключался такой же отказ «от всего, что отзывается выгодой жизни» (7; 184).

III. Рассказ о подвиге христианского мученика, пострадавшего за обличительную проповедь, дьякона-мученика, казненного нечестивым польским паном, составляет главное содержание третьего произведения «Арабесок» — «Главы из Исторического романа». В рассказе повторен — в более трагической форме — мотив самой первой из напечатанных повестей Гоголя — «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала» (1830), в которой рассказывается о «жестких» временах, когда, «несмотря на все усилия отца Афанасия растрогать своих прихожан проповедью, он только мог видеть широкие их пасти» [Гоголь, 1830: 251]. (Похожее рассуждение, с упоминанием о бесчувственном к вразумлению общественном «животном», встречается в позднейшей статье Гоголя «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году»: «Г. Шевырев показал <...> благородный порыв <...>, но на большинство <...> эта статья решительно не сделала никакого впечатления. <...> ...<Статья> скользнула по “Библиотеке для Чтения”, как пуля по толстой коже носорога, от которой даже не чихнуло тучное четвероногое» (7; 474). Еще позднее, в заключении статьи о русской поэзии «Выбранных мест из переписки с друзьями», Гоголь восклицал: «Скорбью ангела загорится наша поэзия и, ударивши по всем струнам, какие ни есть в русском человеке, внесет в самые огрубелые души святыню того, чего никакие силы и орудия не могут утвердить в человеке...» — 6; 196.)

IV. О цели самой жизни и о «таинственных путях Промысла» в истории Гоголь размышляет в четвертой статье сборника — «О преподавании Всеобщей Истории»: «Мир должен быть представлен в том же колоссальном величии, в каком он являлся, проникнутый теми же таинственными путями Промысла, которые так непостижимо на нем означались» (6; 272). Представление об истории как «великой лестнице веков» (6; 283) перекликается с заключенной в первой статье сборника — «Скульптура, живопись и музыка» — идеей восхождения от низших родов искусств к высшим. Написанная

в качестве *profession de foi* для занятия должности профессора всеобщей истории, в поддержку традиционных русских начал, провозглашенных Уваровым (и напечатанная вскоре в министерском журнале), статья носит проправительственный характер. В числе прочего, она содержит предупреждение об одной из причин политической оппозиционности. Гоголь выступает в защиту юности — как «возраста энтузиазма и сильных потрясений» (7; 274) — и, говоря об «образе преподавания», замечает: «Нельзя вообразить, не испытавши, какое вредное влияние происходит от того, если слог профессора вял, сух и не имеет той живости, которая не дает мыслям ни на минуту рассыпаться. <...> ...Тогда происходит то, что самые ложные мысли, слышимые <...> стороною, но выраженные блестящим и привлекательным языком, мгновенно увлекут <...> и дадут им (молодым слушателям. — И. В.) совершенно ложное направление. <...> ...Тогда самые священные слова <...>, как-то: преданность к Религии и привязанность к Отечеству и Государю, превращаются для них в мнения ничтожные. Какие из этого бывают ужасные следствия, это видим к сожалению нередко. И потому-то не должно упускать из внимания, что возраст слушателей есть возраст сильных впечатлений; и потому нужно иметь всю силу, всю увлекательность, чтобы обратить этот энтузиазм их на прекрасное и благородное... <...> ...Цель моя — образовать сердца юных слушателей <...> основательной опытностью, которую развертывает История, <...> чтобы никакой легкомысленный фанатик и никакое минутное волнение не могло поколебать их; сделать их <...> благородными <...> сподвижниками Великого Государя...» (6; 274–275). Статья предваряет апологию консервативной юности перед развращенной старостью, воплощенной в одном из последующих произведений сборника — в седьмой по счету статье «Несколько слов о Пушкине» (см. ниже).

V. Вопрос о назначении искусства, поднятый в первой статье цикла — «Скульптура, живопись и музыка», продолжает развитие в «Арабесках» в повести «Портрет», занимающей пятое место в сборнике. Здесь в судьбе юного петербургского художника прослеживается происхождение современного «идолопоклонства», поклонения тельцу [Виноградов, 2000: 238–239]; обличается служение живописца целям, противоположным

тем, к которым он призван дарованным ему Богом талантом: «Чем более смастеришь ты в день своих картин, тем больше в кармане у тебя денег и славы» (7; 287); «...Его чувства узнали в золоте ту <...> прелесть, которая дотоле ему не была понятна» (7; 293); «Золото сделалось его страстию...» (7; 297). Противопоставление сосредоточенной одухотворенности и власти пагубных, рассеивающих помыслов определяет вторую часть «Портрета» (см. заключительный раздел наст. статьи).

VI. Проблеме преодоления «рассеяния» политического — междоусобиц и взаимного несогласия в обществе — посвящена шестая статья «Арабесок» — «Взгляд на составление Малороссии». Эта статья является одновременно историческим комментарием к повестям «Миргорода» — «Тарасу Бульбе» и «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» [Виноградов, 2016b: 163]. Отмечается роль «дикого политика» литовского князя Гедимина в объединении земель и значение веры в образовании казачества как «зародыша политического тела» Малороссии (7; 167). Подчеркивается родственность запорожского братства с средневековыми рыцарскими орденами.

VII. Апологетический характер носит седьмая статья «Арабесок» «Несколько слов о Пушкине». Говоря о Пушкине как «русском национальном поэте», Гоголь утверждает соответствие его творчества (не исключая произведений раннего периода) началам Православия, Самодержавия, Народности. К строкам о том, что Пушкин «это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет» (7; 274), восходит программа «построения» русского человека, развернутая впоследствии Гоголем в статье о русской поэзии «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Согласно заглавию, статья «Несколько слов о Пушкине» включает в себе, с одной стороны, апологию *пушкинской* поэзии; с другой, — представляет апологию юности как таковой перед косной, бездуховной старостью, перед «ужасным онемением жизни» (6; 277), летаргией, когда, по словам Гоголя в другой статье сборника — «О преподавании Всеобщей истории», «просвещение не двигается ни вперед, ни назад, сила и характер исчезают, все обращается в мелкий, ничтожный

этикет, жалкую развратную бесхарактерность» (6; 277). Гоголь подчеркивает, что присущие юности сила, смелость, жажда «необыкновенного» (7; 275) и чистые, незамутненные стремления к добру не имеют ничего общего с политическим вольнодумством. (Такая характеристика соответствует определению Гоголем бескорыстного, «юношеского» энтузиазма христианских Средних веков во второй и четвертой статьях «Арабесок» — «О Средних веках» и «О преподавании Всеобщей Истории»; см. выше.) Не были опубликованы и остались в черновой редакции статьи строки, заключающие в себе противопоставление «юношеской» поэзии Пушкина лицемерному, мнимо-«консервативному» — зараженному масонством и влиянием фривольной французской литературы — старшему поколению [Гоголь, 1952а: 602]. Спустя два года эти размышления были пересказаны Гоголем другими словами в рецензии «Картины мира, или Полезное и приятное чтение для юношества. Часть 2-я. С.-П.-бург, 1836 г.», готовившейся для пушкинского «Современника». Недоразумением, обусловленным характером советской идеологии, является мнение о том, будто в указанных строках черновой редакции статьи Гоголь защищает политическое вольнодумство [Фридлендер: 757], [Бочаров: 679]. На самом деле упрек в вольнодумстве настолько *неприятен* Гоголю — как представителю молодого поколения, увлекавшегося поэзией Пушкина, — что он *возвращает* его тогдашним обвинителям: «...Если сказать истину, то <...> стихи <Пушкина> воспитывали и образовали истинно-благородные чувства несмотря на то, что старики и богомольные тетушки старались уверить, что они рассеивают вольнодумство, потому только, что смелое благородство мыслей и выражения и отвага души были слишком противоположны их бездейственной вялой жизни, бесполезной и для них, и для государства» [Гоголь, 1952а: 602]. В рецензии «Картины мира...» Гоголь повторял: «...Те, которые читали питательные книги, делали под рукою такие шашни и проказы, которые теперь бы слишком бросились всем в глаза. <...> Все старики <...> читали душеспасительные книги <...>, и при внимательном рассмотрении оказывалось <...>, что едва ли старики не обгоняли молодежь в своих домашних делах»

[Гоголь, 1952а: 204]. При этом Гоголь подчеркивал «чистоту» даже «антологических», чувственных стихотворений поэта: «Они так просто-возвышенны, так ярки, так пламенны, так сладострастны и вместе так детски чисты» (7; 279; «Несколько слов о Пушкине»). В самой апологии пушкинской поэзии Гоголь следовал самому Пушкину. Упрек в адрес «развратных стариков» содержится в четвертой главе «Евгения Онегина», напечатанной впервые в 1828 г.: «Разврат бывало хладнокровной / Наукой славился любовной... <...> Но эта важная забава / Достойна старых обезьян / Хваленых дедовских времен...» [Пушкин, 1828а: 11–12]. (В 1822 г. Пушкин писал также брату: «Замечу <...>, что чем меньше любим мы женщину, тем вернее можем овладеть ею. Однако забава эта достойна старой обезьяны XVIII столетия» [Пушкин, 1937: 524].) Сходное упоминание о «разврате» «предков» встречается также в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Дума» (1838), которое Гоголь в 1845 г. включил в число «примеров» «Учебной книги словесности для русского юношества» (6; 337). В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь также писал, что недостойные, «выветрившиеся» представители старшего поколения «вредны <...> духу правительства своей двусмысленной жизнью — тем, что, под личиною усердия к царю и благонамеренности, требуя поддельной нравственности от молодых людей и развратничая в то же время сами, возбудили негодование молодежи, неуваженье к старости и заслугам и склонность к вольнодумству действительно у тех, которые имеют некрепкие головы и способны вдаваться в крайности» (6; 185).

Проблему старости как мертвящей, обремененной денежными расчетами регламентации Гоголь затронул также в повести «Портрет» (пятом произведении сборника). «Потряхивая червонцами», герой этой повести, художник Чертков, утверждает, что «откровения свыше в мире не существует и все необходимо должно быть подведено под строгий порядок аккуратности и однообразия»: «Уже жизнь его коснулась тех лет, когда все дышащее порывом сжимается в человеке...» (7; 297). Размышления о юности и старости Гоголь повторил в еще одной статье «Арабесок» — «Об архитектуре нынешнего времени» (восьмая в сборнике), где вновь подверг

критике нивелирующую регламентацию в искусстве — «мысль о соразмерности» (7; 259) и «схолацизм»³: «Это все равно если бы гений стал удерживаться от оригинального и необыкновенного потому только, что перед ним будут слишком уже низки и ничтожны обыкновенные люди. <...> Как будто бы старались нарочно внушить мысль, что великое совсем не велико; как будто бы насильно старались истребить в душе благоговение и сделать человека равнодушным ко всему» (7; 259–260). В «Портрете» (редакции «Арабесок») Гоголь откровенно говорит о «тупоумии старости», создающей шаблонные картины (7; 281), и о «старых художниках», производящих бездарные портреты (7; 295). Мотивированное лишь доходами ремесленное «творчество» Гоголь противопоставляет «разборчивой, мнительной боязни за свое непорочное имя», которое испытывает художник-юноша (7; 295).

Концептуальным для Гоголя как сатирика являются одинаковые размышления в «Портрете» и в статье «Несколько слов о Пушкине» об изображении неприукрашенной действительности: «Масса народа похожа <...> на женщину, приказывающую художнику нарисовать с себя портрет совершенно похожий; но горе ему, если он не умел скрыть всех ее недостатков» (7; 276; «Несколько слов о Пушкине») [Виноградов, 2016b: 154–155]. По словам Гоголя, Пушкин не пошел на поводу у публики, потому что «у всякого, кто только чувствует в себе искру святого призвания, есть тонкая разборчивость, не позволяющая ему выказывать свой талант таким средством» (7; 276). (Гоголь с очевидностью повторил здесь слова о «разборчивом» художнике-«юноше» в «Портрете».) Эти переклички между «Портретом» и статьей «Несколько слов о Пушкине» приоткрывают, однако, лишь одну сторону проблемы. Другая сторона являет себя через переклички «Портрета» с еще одним произведением Гоголя — с повестью «Вий» в «Миргороде». Подобно тому, как статья о Пушкине является авторским комментарием к «Портрету», строки «петербургской» повести о том, что «переход за черту, положенную границую для воображения, <...> ужасен» (7; 284; «Портрет»), в свою очередь представляют собой гоголевский автокомментарий к «Вию» [Долгополов: 88–89]. Мысль об «ужасной действительности», которая приходит к художнику в первой

части «Портрета» под впечатлением от оживающего портрета демонического ростовщика (7; 284), сближает участь героя второй части повести — едва не погибшего создателя этого «ужасного» портрета — с гибелью Хомя Брута, нарушающего запрет «не гляди» при появлении «ужасного» Вия. Очевидно, что в указанных переключках заключается собственно авторская концепция художественного творчества (вопреки, скажем, многочисленным заявлениям В. Г. Белинского о бессознательности гоголевского гения). Именно эти размышления, воплощенные в повестях «Портрет», «Вий», в статье «Несколько слов о Пушкине», находят отражение в позднейшем рассказе Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями» о чтении Пушкину первых глав «Мертвых душ»: «Если бы кто увидел те чудовища, которые выходили из-под пера моего вначале для меня самого, он бы, точно, содрогнулся. Довольно сказать тебе только то, что когда я начал читать Пушкину первые главы из “Мертвых душ”, в том виде, как они были прежде, то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться все сумрачней, сумрачней, а наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: “Боже, как грустна наша Россия!” Меня это изумило. Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что все это карикатура и моя собственная выдумка! Тут-то я увидел, что значит дело, взятое из души, и вообще душевная правда, и в каком ужасающем для человека виде может быть ему представлена тьма и пугающее *отсутствие света*. С этих пор я уже стал думать только о том, как бы смягчить то тягостное впечатление, которое могли произвести “Мертвые души”» (6; 83; «Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”»; письмо третье; 1843). (См. также: [Виноградов, 2020с].)

VIII. Восьмая статья «Арабесок» — «Об архитектуре нынешнего времени» — написана, вероятно, вскоре после статьи «О Средних веках» (поскольку последняя *заканчивается* впечатляющим образом готического храма). «Решительное преимущество» в статье об архитектуре отдается готическому зодчеству (7; 263), которое является порождением «юных»

«сильно-религиозных, христианских» Средних веков [Гоголь, 2001: 95]: «Чудное ее величие и красота превосходят все другие. <...> Здесь одна законодательная идея — высота» (7; 263–264). (В статье нашли отражение впечатление Гоголя от поездки в Германию в 1829 г.)

Статья продолжает поднятую в первой статье «Арабесок» — «Скульптура, живопись и музыка» — тему восхождения к Богу, «незримыми ступенями» которого служат искусства. Отсылка к этому произведению есть в самой статье об архитектуре: «Зодчество грубее и вместе колоссальнее других искусств, как-то: живописи, скульптуры и музыки, и потому эффект его — в эффекте» (7; 270).

На новом материале Гоголь продолжает также размышления об одухотворенной юности и бесплодной старости (отмеченная выше проблематика статей «О Средних веках», «Несколько слов о Пушкине», повести «Портрет»). Говоря об упадке архитектуры, Гоголь восклицает: «Неужели величие и гениальность больше не посетят нас? или они — принадлежность народов юных, полных одного энтузиазма и энергии и чуждых усыпляющей, бесстрастной образованности?» (7; 255). Указывая на духовное начало в архитектуре и обличая лишенную «энтузиазма» старость, Гоголь, в частности, замечает, что последователи неоплатонизма «византийцы», негативно повлиявшие на европейскую архитектуру (вследствие чего здания «разъехались в ширину»), «неудачно привили христианство к своей языческой жизни, дряхлой, лишенной свежести» (7; 256–257).

IX. Последнее произведение первой части сборника — статья «Ал-Мамун» — посвящена анализу ошибок в управлении государством в связи с проблемами образования и просвещения — не только средневекового арабского, но и — прообразовательно — современного европейского. Статья еще раз характеризует Гоголя как писателя-государственника, патриота, размышляющего о судьбах своей страны [Виноградов, 2019b: 120–123].

X. Заглавное произведение второй части «Арабесок» — статья «Жизнь» — задолго предвосхищает паломничество Гоголя в 1848 г. к Святым Местам, к «каменистой земле» Иудеи (5; 262). Изображение в этой статье падения языческих

царств пред лицом грядущего Царства Спасителя — в соответствии с пророчеством св. пророка Даниила (Дан. 2: 31–45), — а также завершающий экфрасис: «В <...> яслях лежит Младенец; над Ним склонилась Непорочная Мать... <...> ...В небе стоит звезда и весь мир осияла чудным светом» (6; 263); — прямо перекликаются с содержанием одного из богослужебных гимнов — первой песни воскресного канона Пресвятой Богородице четвертого гласа: «Сотрясошася людие, смятошася языцы, царствия же державная уклонишася, Чистая, от страха Рождества Твоего: прииде бо Царь мой и низложи мучителя, и мир от тли избави»¹⁾.

В статье происходит как бы свершающийся воочию Страшный Суд мировой истории: «...Как будто бы царства предстали все на Страшный суд перед кончиною мира» (6; 261). Апокалиптический подтекст пронизывает, кроме этой статьи, еще три произведения сборника: «О преподавании Всеобщей истории», «Портрет», «Последний день Помпеи». Впоследствии эти размышления легли в основу замысла «Ревизора», заключающего в себе реминисценцию слов св. апостола Павла о «прельщении погибающих» в конце времен (2 Фес.: 2, 9–11) и — одновременно — являющего разоблачение оппозиционных «пророчеств» западных и отечественных мистиков о конце света в 1836 г. — в год создания комедии [Виноградов, 2020а]. Много лет спустя картину Страшного Суда Гоголь собирался изобразить как завершающую сцену «Мертвых душ» (5; 493). Апокалиптический замысел присущ также картине А. А. Иванова «Явление Мессии», в разработке композиции которой принимал участие Гоголь [Виноградов, 2001].

Сравнительно с начальной статьей «Арабесок» — об искусствах — новая триада, изображенная в статье «Жизнь» (Египет, Греция, Рим), носит более глубокий религиозный характер. В олицетворяемых образах древних стран человеческие цивилизации оцениваются уже не как излюбленные романтиками эстетические категории (т. е. не как некие «возрастные» этапы развития искусств) — они рассматриваются в духовном,

¹⁾ Октоихъ, сиречь Осмогласникъ. М.: Печатный двор, 1692. <Ч. 1>. С. 346 об.; Октоихъ, сиречь Осмогласникъ. М.: Московская патриархия; Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1981. <Т. 1>. Гласы А-Д. С. 517.

апокалиптическом контексте. Новые три культурные «типа» получают уже не «эстетическую», а религиозную оценку: суду в статье подвергаются не искусства, а являемые в разных культурах главные религии мира. Это программное содержание статьи, к сожалению, осталось не исследованным в работах о Гоголе.

«Царства», представшие на Страшный Суд, каждое заключает в себе в той или иной «национальной» форме жажду бесконечного — и каждое отрицает в других разные проявления этой всеобщей для них жажды. Гоголь вновь обращается в этой статье к сквозной для его творчества идее о том, что «жажда бессмертия уже кипит и в неразвившемся человеке» (7; 329; «О движении народов в конце V века»). Будучи историком, наблюдающим в истории «таинственные пути Промысла» (6; 272), Гоголь с неизменным вниманием и уважением относился к любому искреннему проявлению веры, полагая, что со временем она обратится к своему законному источнику. Согласно убеждениям писателя, даже исполненные языческих суеверий старинные народные сказки («Там чудеса: там леший бродит...» [Пушкин, 1828b: 7]) обладают — в сравнении с человеком, утратившим всякую веру, — живительной силой, ибо несут в себе породившую их веру в загробный мир. Эту мысль Гоголь воплотил еще в 1827 г. в «Ганце Кюхельгартене» [Виноградов, 2000: 24]. Смешанный с суевериями страх перед потусторонними силами играет также немаловажную роль в ранних гоголевских «сказках»-повестях «Вечеров на хуторе близ Диканьки» [Виноградов, 2000: 23–24]. В «Арабесках», в статье «О малороссийских песнях», Гоголь особо подчеркивал, что «невыразимой поэзии» народных песен, обязанной религиозному чувству, «еще более помогают остатки обрядов древней Славянской Мифологии, которые они покорили Христианству» [Гоголь, 1835: т. 2; 110]. Позднее, в статье о русской поэзии «Выбранных мест из переписки с друзьями», Гоголь упоминал также о «бедных останках орд, распалющихся свое воображенье рассказами о богатырях <...>, живущих по тысяче лет на свете», — т. е. о близком к бессмертию долгожительстве (6; 159), — и о «нашем сказочном русском богатырстве, которое в виде какого-то темного

пророчества носится <...> над нашею землею, прообразуя что-то высшее, нас ожидающее...» (6; 159).

В другой статье «Арабесок» Гоголь, говоря о попытках Ал-Мамуна истребить суеверия подданных, писал: «Первым шагом к образованию своего народа он почитал истребление энтузиазма, <...> которому он обязан был всем своим развитием... <...> ...Может быть, с дальнейшим только развитием его (араба. — И. В.) могла нечувствительно очиститься его вера. Но Ал-Мамун не постигал азиатской природы своих подданных» (7; 353). В набросках лекций по истории Средних веков, читанных Гоголем в 1834–1835 гг. в Петербургском университете, он писал: «Вера и глубокое почитание варварскими народами жрецов дают в самом начале силу христианским священникам и духовенству» (8; 187; заметка «История духовной власти в Средние века»).

«Снисходя» до уровня древнего, «неразвившегося» человека, понимая значение давних верований, Гоголь, однако, был далек от религиозного индифферентизма В. Г. Вакенродера, упомянутого вдохновителя европейских романтиков. Для последнего подлинно религиозные и конфессиональные вопросы, в частности обращение из лютеранства в католицизм, были не главными, но стояли на втором плане. Как уже указывалось, преобладающий пафос немецкого романтика заключался в создании собственной новой «религии», основополагающими столпами которой стали бы творческие «гении» — художники и музыканты. Вакенродер утверждал, что «Суеверие все лучше Систеверия», заявляя, что лучше «оставить <...> каждого смертного и каждый народ в поднебесной при его вере и его блаженстве» [Вакенродер: 65].

Для Гоголя, однако, признание одухотворенности древних религий (исполненных при этом суеверий) не означало признания их равноценными христианству — с его необходимым догматическим, «системным» содержанием. Наглядное воплощение мысли о превосходстве веры, открываемой Рождеством Христовым, над древними суевериями и являет статья «Жизнь».

Египет в гоголевской статье, с его «серыми», «мутными, бесцветными очами», желает «воскресения» и сомневается

в нем: «Далеко, далеко до воскресения, да и будет ли когда воскресение» (6; 262). Отвергая «искусства» и «наслаждения» Греции, «славу и подвиги» Рима, Древний Египет утверждает в качестве «тайны жизни» «тлен» и тщится продлить «сколько-нибудь <...> бедное существование» «бедного человека» в виде мумии, «несокрушимой тлением» (7; 261), и в пирамидах-«обелисках» (6; 261), — в увековечивающем прошлое зодчестве.

Иную связь с вечностью утверждает Древняя Греция «с влажными от наслаждения прекрасными очами» (7; 262). Она оспаривает сосредоточенность Египта на смерти, и Рима — на «корысти и жадности» (7; 262). «Веселая» Греция представляет собой «мир, где вся религия заключилась в красоте, в красоте человеческой, в богоподобной красоте женщины» (7; 285; согласно определению «светлого греческого мира» в другой статье «Арабесок» — «Скульптура, живопись и музыка»). Приобщение к вечному в «светлом мире греков» происходит путем так называемого «естественного богопознания», через осознание «согласия», гармонии и красоты самого бытия: «Стремись к красоте, она одна вечна в мире» (строки черновой редакции статьи «Жизнь» [Гоголь, 2009b: 387]). Смысл жизни полагается в наслаждениях, играх, искусствах, во власти «резца, палитры и цевницы» (6; 262) — т. е. скульптуры, живописи и музыки, которым посвящена заглавная статья сборника. В этой статье — «Скульптура, живопись и музыка» — Гоголь писал: «Великий Зиждитель мира <...> древнему <...> чувственному миру послал <...> прекрасную скульптуру, принесшую чистую, стыдливую красоту, — и весь древний мир обратился в фимиам красоте. Эстетическое чувство красоты слило его в одну гармонию и удержало от грубых наслаждений» (6; 288). Характерно, что когда позднее бывший студент Е. А. Матисен вспоминал о слышанных им в 1835 г. в Петербургском университете лекциях Гоголя по Древней истории, то особенно он отмечал те из них, которые были посвящены «идеальному быту и чистоте воззрений афинян». Матисен писал, что эти лекции Гоголя «имели на всех, а в особенности на молодых его слушателей, какое-то воодушевляющее к добру и к нравственной чистоте влияние» [Виноградов. Летопись: т. 2, 367].

Размышления Гоголя о «воодушевляющем» начале красоты служат очевидным авторским комментарием к «молитвенным» переживаниям героя другого произведения второй части «Арабесок» — художника Пискарева в «Невском проспекте» (двенадцатом произведении сборника) при его встрече с красавицей: «Все, что остается от воспоминания о детстве, что дает мечтание и тихое вдохновение при светящейся лампаде, — все это, казалось, совокупилось, слилось и отразилось в ее гармонических устах. <...> ...Красота <...> только с одной непорочностью и чистотой сливается в наших мыслях» (3/4; 15, 18).

Согласно Гоголю, чистые отношения к женщине характеризовали не только древних греков; такие же отношения были присущи и средневековому религиозному рыцарству: «Женщина Средних веков является божеством...» (7; 183; «О Средних веках»). Это представление в свою очередь нашло отражение в «Невском проспекте» в характеристике художника Писарева: «Он не чувствовал никакой земной мысли; <...> он был в эту минуту чист и непорочен, как девственный юноша... <...> ...Доверие, которое сказало ему слабое прекрасное существо, <...> наложило на него обет строгости рыцарской...» (3/4; 16). (Одновременно эти же размышления служат объяснением гоголевской характеристики «детски чистых» антологических стихотворений Пушкина в статье «Несколько слов о Пушкине» — в первой части сборника; 7; 279.) Как следует из позднейшего творчества Гоголя, «антологическая» красота влияет даже на главного героя «Мертвых душ» «прозаического» Чичикова. На это рассказчик поэмы обращает внимание в пятой и восьмой главах: «Везде, где бы ни было в жизни, <...> хоть раз встретится на пути человеку явление, <...> которое хоть раз пробудит в нем чувство, не похожее на те, которые суждено ему чувствовать всю жизнь» (5; 90); «...и Чичиковы на несколько минут в жизни обращаются в поэтов...» (5; 164).

О «вечном» начале в земной красоте Гоголь размышлял также в ранней статье «Женщина», которую, согласно обоим предварительным планам «Арабесок», даже предполагал включить в сборник (7; 701–702). Эта статья, несомненно,

должна была представлять в цикле ту же самую идею, которая заключена в характеристике Греции в статье «Жизнь» (во втором плане «Арабесок» местоположение статьи «Женщина» точно соответствует месту статьи «Жизнь» в окончательном составе). В ранней статье (в эссе «Женщина») подчеркивается именно религиозный характер отношения к женской красоте. В уста «божественного» Платона Гоголь вложил здесь фразу о том, что в женщине «боги захотели отразить красоту, подарить миру благо и в нем показать свое присутствие на земле» (7; 64).

Следует, однако, подчеркнуть, что в *те же* годы и в *тех же* произведениях Гоголь как художник последовательно выступает с не менее очевидной *критикой* «религиозного» «идеала» Греции. Отмечая действенность, значимость этого начала в воспитании древнего человека, писатель одновременно подчеркивает несомненную опасность и ограниченность эстетической сферы. Так, в статье «Скульптура, живопись и музыка» Гоголь указывает, что «чувство красоты» в греческой «прекрасной» скульптуре «пересиливает <...> стремление духа» (6; 285). С этими размышлениями непосредственно связан целый ряд *отрицательных* образов, созданных тогда писателем. Это, во-первых, описание пагубных эстетических переживаний колдуна в «Страшной мести» (прямо отсылающих к строкам статьи «Женщина» [Виноградов, 2000: 65–70]). Это также недостойное поведение кузнеца-«живописца» Вакулы в «Ночи перед Рождеством» — который, подобно художнику «Невского проспекта», решается из-за любви на самоубийство. В этом же ряду находится предатель веры и отчизны «эстетически развитый» Андрий в «Тарасе Бульбе». Это, наконец, образ демонической красавицы в «Вии». — Критиками и судьями «духовно»-эстетических «идеалов» Древней Греции оказываются, таким образом, не только «персонажи» статьи «Жизнь» — древние Египет и Рим. Разоблачительный «приговор» древнегреческой чувственной «религии» выносит сам автор этих произведений — Гоголь.

Еще одно (третье по счету в статье) отношение к вечности, т. е. свою «религию», демонстрирует «дикий и суровый», с «орлиными», «завистливыми очами» Древний Рим (7; 261–262).

Угрожающий оружием Рим полагает искусства и наслаждения Греции «малыми для души»; стремление Египта к равнодушному «спокойствию» — «уничтожающим» и «низким» (7; 262). «Покрытый железом», с «жилистой десницей», он проповедует в качестве единственного смысла жизни «гигантское желание» и «вечное стремление»: «веселье» подвигов, славы и захват всего мира — чтобы «завоевать наконец Небо» [Гоголь, 1835: т. 2; 7]. Согласно наблюдениям Гоголя, такую же религию «неразвившегося человека» исповедовали в древней и новой истории другие, подобные Риму, воинственные народы — в свою очередь не знавшие «пределов своему стремлению»: германцы, норманны, арабы — все они ожидали себе вознаграждения за подвиги и лишения в «Валгале» или «Магометовом рае» (статьи «О движении народов в конце V века», «Ал-Мамун»; драма «Альфред»; 7; 328, 353, 368, 375). (О том, «кому за доблести бессмертие готово», Гоголь опять-таки размышлял еще в «Ганце Кюхельгартене» — 7; 19.)

Подобно стремлению Египта обессмертить себя в мумиях и «вечных» пирамидах, древние германцы уповали и на продолжение своего существования, продолжение *жизни* в песнях, которые складывали в честь храбрейших. Этой мысли, тесно связанной с религиозным замыслом статьи «Жизнь», посвящены сразу несколько упоминаний в предпоследней, семнадцатой статье «Арабесок» — «О движении народов в конце V века»: «Храбрость казалась чем-то божеским... <...> Все наперерыв стремились прошуметь подвигами... <...> Нападения свои они сопровождали <...> песнями. В песнях провозглашались имена древних героев... <...> В неведомой пустыне <...> копали могилу Аттиле, сопровождая песнями о его подвигах» (7; 329, 336, 345).

Этот особый взгляд Гоголя на песни, в свою очередь, продолжает его размышления об искусствах как явлениях не столько эстетической, сколько религиозной сферы — как разнообразных отражениях «веры в бессмертие» (7; 328). Нет свидетельств о том, понято ли было это — как и другие духовные размышления Гоголя в «Арабесках» — его современниками; уже тогда религиозные вопросы все меньше занимали общество. Позднейшие исследователи тоже обошли молчанием эту

неизменную черту писателя. Между тем религиозность характеризует не только эстетические воззрения писателя, но и глубокий историзм «Арабесок».

Согласно Гоголю, «жаждой бессмертия» проникнуты не только искусства, но и вся человеческая история — полная разнообразных «памятников»: «письменных», «изустных», «немых», включая «саги, сказки, песни», «пирамиды, храмы» и др. («Введение <в курс всемирной истории>» — 8; 77). Это напрямую связывает искусствоведческие статьи Гоголя, его эссе о зодчестве, скульптуре, живописи, музыке, народных песнях, с историческими статьями сборника. В статье «О малороссийских песнях» (тринадцатом произведении сборника) Гоголь замечал: «Я не распространяюсь о важности народных песен. Это народная история... <...> Они — надгробный памятник былого, <...> камень с красноречивым рельефом, с историческою надписью — ничто против этой живой, говорящей, звучащей о прошедшем летописи» (7; 169). В статье об архитектуре, как бы напоминая о «вечных» египетских пирамидах, он также писал: «Архитектура — тоже летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни и предания и когда уже ничто не говорит о погибшем народе» [Гоголь, 1835: т. 1; 267]. В связи с этим Гоголь даже предлагал создать особый историко-архитектурный музей под открытым небом: «...Не мешало бы иметь в городе одну <...> улицу, которая бы вмещала в себе Архитектурную летопись» [Гоголь, 1835: т. 1; 267].

Размышления Гоголя в статье «О движении народов в конце V века» о религиозных истоках народной песни служат не только пояснением к статье «О малороссийских песнях», но и являются непосредственным историческим комментарием к «Тарасу Бульбе». Обе статьи тесно связаны с гоголевской казацкой эпопеей — с темой воинских подвигов (обращенных к вечности) и воинственного, стремящегося «завоевать Небо» Рима (согласно строкам статьи «Жизнь»). При этом Гоголь, несомненно, отличал религиозный подвиг запорожцев по исполнению заповеди Спасителя о любви к братьям от лишней этого смысла экспансии древних народов (т. е. еще «неразвившихся», не принявших христианства цивилизаций). В неоконченной драме «Альфред», подчеркивая различие

между древними и новыми героями, Гоголь изобразил прямое столкновение героев скандинавских саг с новым, христианским миром. (Соответствующее размышление находится в известной Гоголю (см.: 8; 659) книге аббата Г. Т. Рейналя «Философическая и политическая история о заведениях и коммерции Европейцев в обеих Индиях», в главе «О религии Одина. О его кровожаждущем учении. Разрушение сей системы Христианством» [Рейналь].) Гипотезу, объясняющую происхождение казачества от степных азиатских кочевников, Гоголь принципиально отверг, подчеркнув во «Взгляде на составление Малороссии» славянские корни запорожского общества и его склонность к оседлости. Это же представление об исконной оседлости славянства Гоголь изложил тогда же в незавершенном <Очерке о славянах> и в лекции «Состояние Европы неримской и народов, основавшихся на землях, не принадлежавших Римской империи» (1834) [Виноградов, 2000: 91–93].

В заключении статьи «Жизнь» в числе тех, кто прислушивается к Благой Вести, упоминаются, вместе с Египтом, Грецией и Римом, «великая Азия с народами-пастырями» и «Арарат, древний прапращур земли» (6; 263). Эти дополнительные олицетворения тоже имеют отношение к замыслу «Жизни» как обобщению разных типов мировых религий, присущих древним цивилизациям. Подсказка на этот счет содержится в двух других произведениях «Арабесок» — в «Мыслях о географии» (четырнадцатая статья сборника) и в статье «О преподавании Всеобщей истории» (статья четвертая). В этих исторических статьях Азия называется «колыбелью младенствующего человечества» (6; 281) и «страной вероисповеданий, разлившихся отсюда по всему миру» (6; 267). Иными словами, Азия и Арарат как колыбель послепотопной цивилизации приводятся в заключении статьи «Жизнь» как исток всех верований и религий.

Добавим, что в гоголевской выписке того же времени с пространным названием «Вселенная, или История и описание всех народов, их религий, нравов, обычаев и т. д. Египет» (1834) «колыбелью образованности» человечества в свою очередь называется Египет (8; 117). Интерес к египетской культуре,

«египтоманию», характерную тогда для Европы и России — и выразившуюся, в частности, в создании в Петербурге в 1825 г. Египетского музея в Кунсткамере, в 1826 г. — Египетского моста через Фонтанку (со сфинксами скульптора П. П. Соколова), в 1827–1830 гг. — Египетских ворот в Царском Селе и др. (см. [Беляков]), стимулировало также прибытие в Петербург в мае 1832 г. подлинных древнеегипетских сфинксов из Александрии ([Григорович], [О Египетских сфинксах...]). В апреле 1834 г., т. е. незадолго до начала работы Гоголя над «Арабесками», сфинксы были установлены на набережной Невы. Все эти события, во всяком случае последнее, не могли не найти отражения в статье «Жизнь»: «...граниты глядят серыми очами, обтесанные в сфинксов...» (6; 261).

Согласно заключительным строкам статьи «Жизнь», рождение Спасителя подразумевает ответ на все предложенные древними суеверными религиями «тайны жизни» (6; 261). Рождество Христово отвергает все неверные смыслы и отвечает чаяниям бесконечного, испытываемым всем человечеством, во всей полноте.

Позднее, явно подразумевая содержание своей ранней статьи, Гоголь в «Размышлениях о Божественной Литургии» писал: «Скорбя от неустроений своих, человечество отвсюду, со всех концов мира взывало к Творцу своему — и пребывавшие во тьме язычества и лишённые Боговедения — слыша, что порядок и стройность могут быть водворены в мире только Тем, Который в стройном чине повелел двигаться мирам, от Него созданным. Отовсюду тоскующая тварь звала своего Творца» (6; 349). В «Авторской исповеди» он добавлял: «Как бы то ни было, но жизнь для нас уже не загадка. Она была тогда загадка, когда умнейшие из людей, от мыслителей до поэтов, над ней задумывались и приходили только к сознанию, что не знают, что такое жизнь. Но когда Один <...> сказал твердо, <...> что Он знает, что такое жизнь, когда этот Один признан всеми за величайшего человека из всех доселе бывших, даже и теми, которые не признают в Нем Его божественности, тогда следует поверить Ему на слово, даже и в таком случае, если бы Он был просто человек. Стало быть, вопрос решен: что такое жизнь» (6; 243).

XI. Содержание следующей статьи «Арабесок» (тоже являющейся, подобно статьям «Скульптура, живопись и музыка» и «Жизнь», в своей композиции триаду) — «Шлецер, Миллер и Гердер» — перекликается с апологией юношества, развернутой в первой части цикла (в статьях «О Средних веках», «Несколько слов о Пушкине», в повести «Портрет»). По оценке Гоголя, глубокий, руководимый стремлением к истине подход А. Л. Шлецера к мировой истории противостоит традиционному, «косному» (или «старческому») отношению к истории. Поэтому Гоголь называет Шлецера мыслителем по преимуществу «оппозиционным» (подразумевая под этим оппозицию не вольнодумную, но консервативную, проникнутую религиозным одушевлением): «Будучи одним из первых, тревожимых мыслью о величии и истинной цели всеобщей истории, он долженствовал быть непременно гением оппозиционным» (7; 320). Характеристика слога Шлецера («Его слог молния... <...> Он имел достоинство в высшей степени сжимать все в малообъемный фокус и <...> даже одним эпитетом обозначить вдруг событие и народ»; 7; 319) прямо повторяет определение языка «юношеских» произведений Пушкина в статье «Несколько слов о Пушкине» («...Достоинства <...> Пушкина <...> заключаются в чрезвычайной быстроте описания и в необыкновенном искусстве немногими чертами означить весь предмет. Его эпитет <...> иногда один заменяет целое описание»; 7; 275).

В свою очередь с характеристикой позднейших, «последних» поэм Пушкина перекликаются слова Гоголя в статье «Шлецер, Миллер и Гердер» о слоге другого историка — Миллера (И. Мюллера): «Этот скромный, незаметный слог его и отсутствие ослепляющей яркости производит в душе невольное сожаление: через него Миллер очень мало известен или, лучше сказать, не так известен, как должен бы быть. Одни <...> способные к тонкому развитию могут только вполне понимать его...» (7; 321). О Пушкине, описывающем «более спокойный», чем жизнь обитателей Кавказа, «гораздо менее исполненный страстей быт русский», Гоголь тоже писал: «Он ничуть не теряет своего достоинства, даже, может быть, еще более приобретает его, но только в глазах немногих истинных

ценителей. <...> Сочинения Пушкина, где дышит у него русская природа, так же тихи и беспорывны, как русская природа. Их только может совершенно понимать тот, чья душа носит в себе чисто русские элементы...» (7; 277; «Несколько слов о Пушкине»).

О «глубоком результатами» третьем историке — И. Г. Гердере — Гоголь замечает, что «он поэт», и даже подчеркивает, что «этим» он «резко отличается от Миллера, философа-законодателя... <...> и Шлецера, философа-критика»: «Как поэт он выше [и]⁴ Шлецера и Миллера» [Гоголь, 2009b: 125, 391]. В этом отношении характеристика Гердера также напоминает строки статьи Гоголя о Пушкине. О Гердере Гоголь замечает: «...Его мысли все высоки, глубоки и всемирны. <...> Стиль его более, нежели у кого другого, исполнен живописи и широкого размера...» (7; 322). Говоря о Пушкине, Гоголь подчеркивал: «Определил ли, понял ли кто “Бориса Годунова”, это высокое, глубокое произведение, заключенное во внутренней, неприступной поэзии, отвергнувшее всякое грубое, пестрое убранство... <...> Здесь нет красноречия, здесь одна поэзия: никакого наружного блеска, все просто, все прилично, все исполнено внутреннего блеска, который раскрывается не вдруг; всё лаконизм, каким всегда бывает чистая поэзия...» (7; 277–278).

Исключительное внимание в статье к литературной составляющей — к слогу историков («философов» и «поэтов»), заключительные размышления о том, какой должна быть «идеально» написанная история, а также именование Шлецера, Миллера и Гердера «великими зодчими всеобщей истории» (7; 319) определенно перекликаются с позднейшими строками гоголевской рецензии для пушкинского «Современника» «Картины мира, или Полезное и приятное чтение для юношества. Часть 2-я. С.-П.-бург, 1836 г.» (уже упомянутой при характеристике статьи «Несколько слов о Пушкине»). Речь в этой рецензии идет о «великом здании» художественной словесности: «Божественный Учитель и Спаситель наш первый открыл эту высокую тайну, облекши святые божест<венные> мысли Свои в притчи, которые слушали и понимали тысячи народов. <...> И вот уже история показывает умам соединение

с философией и образует великое здание. И вот уже везде, во всех нынешних попытках романов и повестей, видно стремление <...> доказать какую-нибудь мысль...» (7; 495).

Таким образом Гоголь указывает на религиозный характер словесности, являющей собой, как и все другие искусства, одно из выражений жажды вечного. Позднее в «Театральном разезде...», как бы напоминая свои размышления в «Арабесках» о песне, увековечивающей самую жизнь, Гоголь писал: «А вон протекли веки, города и народы снеслись и исчезли с лица земли, как дым унеслось все, что было, — а побасенки живут и повторяются поныне...» (3/4; 469). Согласно пояснениям писателя, прямо отвечая духовной потребности вечного, он и создавал «Тараса Бульбу». О павших казаках во второй редакции повести он замечал: «...Бандурист <...> вещей духом <...> скажет <...> про них свое <...> слово. И пойдет <...> о них слава, <...> подобно гудящей колокольной меди, в которую мастер много повергнул <...> серебра, чтобы далече <...> разносился красный звон, сзывая <...> всех на святую молитву» (1/2; 379). Строки о «повестях бандуристов» (10; 242) являются очевидной реминисценцией строк 148-го псалма: «Песнь (т. е. слава. — И. В.) всем преподобным Его, сыновом Израилевым, людям, приближающимся Ему» (ст. 14). (Понятие славы как дара свыше, — которая «как огненный язык, <...> по избранным главам летает» (делая «священным» того, «над коим вспыхнул сей язык»), — присуще, в частности, стихотворению А. С. Пушкина «Герой» (1830) [Пушкин, 1831: 46]⁵, о котором Гоголь упоминает в статье «О лиризме наших поэтов» «Выбранных мест из переписки с друзьями» — 6; 50.) Воспевая подвиги защитников веры, сам создатель «Тараса Бульбы» выступает в роли народного сказителя-бандуриста с «густым, могучим словом» (1/2; 379), которое сообщает смертным героям бессмертные память и славу.

Эпистолярные признания Гоголя подтверждают связь статьи «Арабесок» о европейских историках с его собственной работой над историческими произведениями. Представление о взаимодополняющих стилях Шлецера, Миллера и Гердера, которые объединяет и развивает в себе гений Пушкина, перекликается с отзывом Гоголя в письме к историку М. П. Погодину от 8 мая 1833 г. о пушкинской «Истории Пугачева»:

«Это будет единственное у нас в этом роде сочинение. Замечательна очень вся жизнь Пугачева. Интересу пропасть! Совершенный роман!» (10; 216). (С измененным заглавием — «История Пугачевского бунта» — книга вышла в свет 25–27 декабря 1834 г. — почти одновременно с «Арабесками».) О собственном произведении в том же жанре — «Истории Малороссии» (предварявшей создание «Тараса Бульбы») — Гоголь писал Погодину: «Малороссийская история моя чрезвычайно бешена, да иначе, впрочем, и быть ей нельзя. Мне попрекают, что слог в ней слишком уже горит, не исторически жгуч и жив; но что за история, если она скучна!» (10; 237; письмо от 11 января 1834 г.).

ХII. Не менее органично с другими произведениями «Арабесок» связана повесть «Невский проспект». Переживание поэтического обаяния «улицы-красавицы», преодолевающее, несмотря ни на что, господствующие корысть и эгоизм (3/4; 7), сродни бескорыстному увлечению искусствами и наслаждениями древних греков, описанному в статьях «Скульптура, живопись и музыка» и «Жизнь». Однако «поэзия» Невского проспекта тоже оказывается обманчивой: вместо «чистой, стыдливой красоты», которая приводила древнего человека в «гармонию» и «удерживала от грубых наслаждений» (6; 288 — «Скульптура, живопись и музыка»), вместо «сладоэротических и вместе <...> детски чистых» ощущений (7; 279 — «Несколько слов о Пушкине»), т. е. вместо восхищенного созерцания «Перуджиновой Бианки» — как называет встреченную на улице красавицу художник Пискарев (3/4; 12), — Петербург являет скопище «отвратительных <...> приютов, где человек святотатственно подавил и посмеялся над всем чистым и святым, украшающим жизнь, где женщина, эта красавица мира, венец творения, обратилась в какое-то странное, двусмысленное существо» (3/4; 17). Красота, как и искусство, становится в меркантильном, эгоистическом мире одной из составляющих низменной «существенности» (3/4; 25), что равносильно уничтожению «всего чистого и святого» — всего, что «дает мечтание и тихое вдохновение при светящейся лампаде» (3/4; 15) (это пагубное превращение наглядно описывается в «Арабесках» и в повести «Портрет»). В ранней статье «Женщина» (которую, как было указано, Гоголь даже предполагал включить

в «Арабески») говорится: «Посмотри на роскошных персов: они переродили своих женщин в рабынь, и что же? им недоступно чувство изящного — бесконечное море духовных наслаждений» (7; 65). С этим мотивом эссе «Женщина» связан в «Невском проспекте» образ «персиянина», который в обмен на опиум заказывает художнику соблазнительную картину (3/4; 24).

XIII. Статья «О малороссийских песнях», как уже отмечалось, представляет собой еще один авторский комментарий к повести «Тарас Бульба»: она посвящена характеристике народных украинских песен и дум — «живому» историко-поэтическому источнику, сыгравшему наиболее важную роль при самом создании этой повести-эпопеи [Виноградов, 2009: 421–427]. Применительно к песням подчеркивается мысль о прямой связи поэзии и религии, что вновь являет особое гоголевское отношение к искусствам, включая литературу и народное творчество, как чаяниям «жажды бессмертия»: «Где же мысли в них коснулись религиозного, там они необыкновенно поэтически» (7; 172). Эта мысль является сквозной не только для «энциклопедии» Гоголя 1835 г. — «Арабесок», но и для всего его творчества [Виноградов, 2016с: 231]. По словам Пушкина, «религия» является «вечным источником поэзии у всех народов» [Пушкин, 1949: 271] (неозаглавленная статья поэта «Мнения о ничтожестве литературы русской»; декабрь 1833 — конец мая 1835 г.; см.: [Виноградов, 2019а: 47–66]). О глубокой связи поэзии и религии, веры и «лиризма» Гоголь размышлял позднее в статье «О лиризме наших поэтов» («...наши поэты видели всякий высокий предмет в его законном соприкосновении с верховным источником лиризма — Богом, одни сознательно, другие бессознательно...»; 6; 39), в письме к художнику А. А. Иванову от 24 июля (н. ст.) 1847 г. («...творец высших ощущений [в сердцах наших] есть Бог, возвышающий наше сердце до них, а не самый тот предмет, который, по видимому, произвел их» — 14; 376), в «Авторской исповеди» (здесь Гоголь отмечал, что у Гроба Господня «вдохновляются все, даже и не поэты» — 6; 245).

В то же время в статье о народных песнях Гоголь вновь напоминает о еще «неразвившемся» в полную меру религиозном сознании человека — в данном случае представителей

народной музыки. На этот счет он замечает: «Они не изумляются колоссальным созданиям вечного Творца: это изумление принадлежит уже ступившему на высшую ступень самопознания, но вера их <...> так трогательна... <...> Они обращаются к Богу, как дети к отцу; <...> безыскусственное Его изображение становится у них величественным в самой простоте своей» (7; 172–173). В «Выбранных местах из переписки с друзьями», где в числе самородных источников национальной поэзии Гоголь называет народную песню (6; 155, 195), он также замечал: «Благозвучие не <...> пустое дело... <...> Под благозвучие, как под колыбельную, <...> убаюкивается народ-младенец <...>, и нечувствительно сами собою стихают <...> его дикие страсти. Оно <...> бывает нужно, как во храме куренье кадильное...» (6; 194); «...Необъяснимый разгул <...> в наших песнях, несется куды-то мимо жизни <...> сгораемый желаньем лучшей отчизны, по которой тоскует со дня создания своего человек» (6; 195).

Обращаясь к тем статьям «Арабесок», которые носят в сборнике открыто проправительственный, монархический характер — «О Средних веках», «О преподавании Всеобщей истории», «Взгляд на составление Малороссии», «Несколько слов о Пушкине», «Ал-Мамун» и др., — уместно отметить здесь идейные переключки размышлений Гоголя о народной песне с его религиозно-политическими взглядами. Согласно этим взглядам, последовательное, историческое развитие — такое же, как постепенное восхождение народного духа от «детской» религиозности фольклора (с «остатками обрядов древней Славянской Мифологии» [Гоголь, 1835: т. 2; 110]) к более «очищенным понятиям» (6; 350), — предполагает и монархическое постепенное образование человечества. В «полном и совершенном виде» (6; 46), т. е. во всей полноте, со всеми плодотворными качествами и достоинствами, воплощение монархического принципа становится возможным, по Гоголю, лишь по достижении «высшей ступени самопознания», иначе говоря, для «неразвившегося человека» еще недостижимо. Позднее в той же статье «О лиризме наших поэтов» Гоголь писал: «Полномощная власть монарха не только не упадет, но возрастет выше по мере того, как возрастет выше образование всего человечества» (6; 577). По убеждению писателя, древние и новые

монархии выступают только отдаленным прообразом будущего идеального монархического устройства. И подобно тому, как в Церкви, в которой, с развитием ее паствы, с «позднейшим и полнейшим образованием человека», Гоголь видит выражение «полноты» и всесторонности «взгляда на жизнь» — «простор не только душе и сердцу <...>, но и разуму, во всех его верховных силах» (6; 74), так же по поводу монархической власти замечает: «Государство без полномочного монарха — автомат... <...> ...Высшее значение <...> власти <...> — снисходить с вышины ко всему и внимать всему... <...> Не будь этой верховою силою, обнищает дух человечества» (6; 42, 577).

Все эти размышления Гоголь тоже воплотил еще в «Арабесках». Во «Взгляде на составление Малороссии» он отмечал, что «народный характер» начал «принимать отличительную физиогномию» лишь «при сильных Норманских Князьях» [Гоголь, 1835: т. 1; 190]. В эссе о Пушкине он также подчеркивал, что «Русская История только со времени последнего ее направления при Императорах приобретает яркую живость; до того характер народа большею частию был бесцветен» [Гоголь, 1835: т. 1; 219]. Последнее замечание, помимо прочего, предваряет позднейшие слова писателя в «Выбранных местах из переписки с друзьями» о расцвете талантов при Екатерине II (см.: 6; 158–159).

Мысль о благотворной роли единодержавного правления для развития народной жизни — что определенно соответствует триаде Уварова — является главенствующей и при оценке Гоголем духовной и светской власти папы в статье «О Средних веках»: «Не стану говорить о злоупотреблении и о тяжести оков духовного деспота. Проникнув более в это великое событие, увидим изумительную мудрость Провидения <...>: власть папам <...> дана была для того, чтобы в продолжение этого времени юные государства окрепли и возмужали <...> чтобы сообщить им энергию, без которой жизнь народов бесцветна и бессильна» (7; 180).

Эти размышления Гоголь воплотил в сборнике и в статье «О преподавании всеобщей истории». Говоря в этой статье о завершении Средних веков — характеризовавшихся объединительными, но недостаточными усилиями папы («...еще

государь звучит одним именем своим, и вместо того миллионы владельцев, из которых каждый — маленький император...» — 7; 183), Гоголь замечал: «Духовная власть пала. Государя становятся сильнее. <...> Государства, народы сливаются плотнее в нераздельные массы. Нет того разъединения власти, как в средние века. Она сосредоточивается более в одном лице. И как оттого сильные характеры становятся виднее, круг государей, министров, полководцев обширнее!» (6; 280).

«Все события в нашем отечестве, — писал позднее Гоголь в статье «О лиризме наших поэтов», — <...> видимо клонятся к тому, чтобы собрать могущество в руки одного, <...> вооружить каждого из нас <...> высшим взглядом на самого себя, <...> чтобы потом, <...> мог бы также один, всех впереди, <...> устремить, как одну душу, весь народ свой к тому верховному свету, к которому просится Россия» (6; 46).

XIV. В четырнадцатой статье «Арабесок» — «Мысли о географии (для детского возраста)» — Гоголь продолжает размышления о единстве поэзии и религии, о «естественном богопознании» и «жажде бессмертия <...> неразвившегося человека» (7; 329), т. е. о том, о чем рассуждал ранее в статьях «Жизнь» и «О малороссийских песнях», где подразумевал первоначальные, «детские» отношения человека к Богу («Они обращаются к Богу, как дети к отцу...» — 7; 173).

Географию, изучать которую Гоголь предлагает с «детского возраста», писатель называет наукой, которая «быстрее» других способна «возвысить поэзию младенческой души» (6; 264). По его словам, преподавать географию следует так, чтобы мысль о том, что этот «прекрасный мир подарен нам Непостижимым его Зодчим» (6; 264), была выражена как можно живее и нагляднее, чтобы не было потеряно из виду «прекрасное целое», которым «управляет одна мощная жизнь, бьющая ровным пульсом по всем жилам» (6; 265), «обширность и колоссальность географического мира», чтобы «мир составил одну яркую, живописную поэму» (6; 265). Гоголь подчеркивает поучительность такого целостного воззрения на мир не только в духовном, но даже в политическом отношении. Неудовлетворительные, разрозненные, не сведенные воедино

представления о разных частях света он сравнивает с «народом, созданным для Монархического Правления и утратившим его в буре политических потрясений» [Гоголь, 1835: т. 2; 124]. В изучении географии Гоголь предлагает (в соответствии с тем значением, которое придается в «Арабесках» мировой истории) исторический подход: «...Я бы советовал <...> следовать за постепенным развитием человека, стало быть, вместе и за постепенным открытием земли...» (6; 266). В статье подразумевается мысль о границах государств, «назначенных Природою», затронутая ранее в статье «О преподавании Всеобщей истории» [Гоголь, 1835: т. 1; 81]. Эта мысль развивается также в «Арабесках» в предпоследней статье «О движении народов в конце V века», где Гоголь вновь касается проблем раздробления и политического единства (поднятых также в статье «Взгляд на составление Малороссии»): «Вся Европа состояла, можно сказать, из клочков и отрывков, отторженных друг от друга самую природою, оттого покорение ее и соединение под одну власть было вовсе невозможно, и оттого произошли ее бесчисленные нации, которые, без всякого сомнения, слились бы и изгладились, если бы она состояла из открытых равнин» (7; 326).

Со строками о «подземной» архитектуре — «архитектуре катакомб индийских и египетских» — в восьмой статье «Арабесок» — «Об архитектуре нынешнего времени» (7; 268) — перекликаются в «Мыслях о географии» слова о «подземной географии», в которой также отмечается религиозное значение: в ней «душа сильнее чувствует великие дела Творца» (6; 268).

Наряду с одним из разделов тогдашней науки — так называемой «естественной историей» (включавшей в себя минералогию, зоологию и биологию), в курс географии предлагается ввести изучение истории искусств (главным образом архитектуры и градостроительства), а также истории промышленности и торговли (рекомендуется показать, в какой зависимости все они находятся от географии). Впоследствии размышления о зависимости промышленности от местных условий должны были лечь в основу задуманной Гоголем книги <География России для русского юношества>. Практическая направленность в преподавании географии («Все, что

истинно нужно, что более относится к нашей жизни, что более можем мы впоследствии приспособить к себе, все это уже интересно» — 7; 271) напоминает такой же — ориентированный на «пользу» и современность — подход Гоголя к истории. «У меня не было влечения к прошедшему. Предмет мой была современность в ее нынешнем быту...» — писал он в «Авторской исповеди» (6; 231). «Прошедшее же и отдаленное возлюбляется по мере его надобности в настоящем», — пояснял он свою мысль в письме к Н. М. Языкову от 2 января (н. ст.) 1845 г. (13; 11).

Кроме того, при преподавании географии рекомендуется привлекать этнографию и историю «просвещения», т. е. историю цивилизации в целом. В заключительном абзаце статьи («Леность и непонятливость воспитанника обращаются в вину педагога...» — 6; 271) поднимается еще одна из тем, ключевых для гоголевского творчества, — проблема «духовных недорослей», воплощенная уже в самых ранних его произведениях, в «Ганце Кюхельгартене» [Виноградов, 2021b: 112–116], в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» [Виноградов, 2000: 153–154].

XV. В пятнадцатой статье «Арабесок» «Последний день Помпеи», — так же, как и в других произведениях сборника (в статье «Об архитектуре нынешнего времени», в повестях «Портрет», «Невский проспект» и др.), — Гоголь размышляет об упадке современного искусства. Этот упадок он объясняет «безлюдьем крупных гениев», которые могли бы придать тщательно разработанным «эффектам», отдельным находкам, «хорошо приготовленным материалам» необходимое единство (6; 291). Как и позднее в статье «Исторический живописец Иванов» (1846), в живописи Гоголь подмечает тщательную «раздробленную разработку в частях» при отсутствии цельности и одухотворенности (6; 295). Произведение Брюллова оценивается как шаг к преодолению «страшного раздробления» жизни (6; 291) при мастерском исполнении деталей и частных частей.

Одновременно в эссе «Последний день Помпеи» — так же, как в статье «Жизнь» (см. выше) — заключена критика чувственности. «Пластика» К. П. Брюллова сравнивается со скульптурой, в которой «чувство красоты <...> пересиливает <...> стремление духа» (6; 285 — «Скульптура, живопись

и музыка»). По словам Гоголя, картина «Разрушение Помпеи» «не вмещает в себе» ни «дикого ужаса, наводящего содрогание, каким дышат суровые создания Микеля-Анжела», ни «высокого преобладания небесно-непостижимых и тонких чувств, которыми весь исполнен Рафаэль»: «Его (Брюллова. — И. В.) фигуры прекрасны при всем ужасе своего положения. Они заглушают его своею красотой» (6; 292). Центральный образ картины Брюллова — труп «грянувшей на мостовую» прекрасной, «пылающей всею роскошью страсти» женщины (6; 292–293) («Фигура сия, занимающая средину картины <...>, исполнена высокой прелести. Падение лишило ее чувств, быть может даже жизни» [Висконти: 9]) — послужил Гоголю прообразом мертвой, демонической красавицы-панночки в повести «Вий» [Виноградов, 2009: 431–432]. Главная, по Гоголю, идея картины Брюллова — «нам жалка наша милая чувственность, нам жалка прекрасная земля наша» (6; 293) (для этого, по словам Гоголя, художник и «представил человека как можно прекраснее: его женщина дышит всем, что есть лучшего в мире»; 6; 293) — тоже нашла отражение в «Вии», в эпизоде, где Хома вдруг видит в упавшей перед ним умирающей старухе роскошную красавицу, отчего его охватывает жалость. Впечатления от картины Брюллова, по-видимому, имеют отношение и к тем чувствам «жалости и страстного трепета» (6; 293), которое испытывает по отношению к гибнущей — духовно и физически — красавице художник Пискарёв в «Невском проспекте». Согласно планам «Арабесок» (7; 701–702), «Невский проспект» должен был быть написан Гоголем в период с июля по конец августа — сентябрь 1834 г. В середине августа 1834 г. картина Брюллова была выставлена в Петербурге для публичного обозрения. Женский персонаж с картины Брюллова нашел также отражение в «Тарасе Бульбе», создававшемся в тот же период [Виноградов, 2009: 431–432].

XVI. Тревожную атмосферу передает, подобно «Главе из исторического романа», второй фрагмент из незавершенного романа «Гетьман», помещенный в «Арабесках», — «Пленник. (Отрывок из исторического романа)». Отрывок также содержит целый ряд ключевых, сквозных для гоголевского творчества мотивов и образов.

«Мысль о погребении живого», посещающая пленника в пещере [Гоголь, 1835: т. 2; 171], является отражением многолетних размышлений Гоголя о летаргии — и памяти смертной (см.: [Виноградов, 2020d]). Эти размышления встречаются в еще трех статьях «Арабесок»: «О преподавании Всеобщей истории» («Наконец на весь древний мир непостижимо находит летаргический сон <...> страшная неподвижность <...> ужасное онемение жизни...» — 6; 277); «О движении народов в V веке» («...Империя <...> Западная <...> в живом трупе своем видела и чувствовала онемение жизни» — 7; 340); «Последний день Помпеи» («Картина Брюллова — <...> светлое воскресение живописи, пребывавшей долгое время в каком-то полuletаргическом состоянии» — 6; 289). Ранее Гоголь упоминал о погребении заживо в повести «Страшная месть» («Мне пришла на ум забавная история: я вспомнила, как погребали моего мужа. Ведь его живого погребли...» — ½; 237). Позднее, в конце 1830-х гг., об «онемении» русских княжеств во время татаро-монгольского ига Гоголь писал в новых набросках к статье «Взгляд на составление Малороссии» (7; 533). (В «Арабесках» в этой статье говорилось о тогдашнем «бездействии и оцепенении» России — 7; 163.) В 1839 г. о «летаргическом усыплении» умственной деятельности Гоголь упоминал в письме к школьному другу А. С. Данилевскому (11; 238). Спустя полтора года он сообщал М. П. Погодину о собственном «летаргическом умственном [усыплении] бездействии» во время своего пребывания в Вене летом 1840 г. (11; 322). «Страшный обряд казни» погребением заживо, который «долго потом все чудился» герою, Гоголь описал в 1842 г. во второй редакции «Тараса Бульбы» (1/2; 325). Два упоминания о летаргии находятся также в статьях «Выбранных мест из переписки с друзьями» (6; 9, 122). Кроме того, отзвуком размышлений о летаргии являются строки гоголевской «Авторской исповеди» по поводу негативных толков критиков о «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Над живым телом еще живущего человека производилась <...> страшная анатомия...» (6; 215).

«Подземная сцена» «Пленника», с «адскими гномами» и «исполинского роста жабой» [Гоголь, 1835: т. 2; 169], прямо

перекликается с содержанием «Вия», а также с описанием в позднейшей, второй редакции «Тараса Бульбы» 1842 г. пути предателя Андрия через подземный ход в осажденный Дубно [Шенрок: 254], [Виноградов. Летопись: т. 2; 593–594].

Отрывок служит комментарием и к первой редакции «Тараса Бульбы» — а также к украинской истории в целом: к «летописи страны, терпевшей кровавые жатвы» [Гоголь, 1835: т. 2; 163]. «Пленник» посвящен изображению «буйств и грабительств» поляков на Украине [Гоголь, 1835: т. 2; 162].

Так же, как в «Главе из исторического романа», действие в новом фрагменте романа разворачивается на Полтавщине, в родных местах Гоголя. Так же, как в первом отрывке, в «Главе из исторического романа», в «Пленнике» выведен «мученик за веру Христову» [Гоголь, 1835: т. 2; 166]. (В финале, который находится в более полной редакции «Пленника», носящей название «Кровавый бандурист», оказывается, что этот христианский мученик — девушка. — 7; 91.)

Вопреки избитым представлениям о «смелости» одних только представителей либерально-оппозиционной части общества, в обоих образах Гоголь подчеркивает сугубую самоотверженность и отвагу в отстаивании консервативных, «охранительных» христианских ценностей. Отличие трезвой, духовной смелости, присущей христианским мученикам и исповедникам, от «дерзости» вольнодумства Гоголь особо подчеркивает в тот же период, изобразив в «Тарасе Бульбе» бесстрашного, до конца преданного вере и родине мученика Остапа — и мятежного, трусливого предателя Андрия. Описание поведения Остапа перед казнью непосредственно соотносится с гефсиманским молением Сына к Своему Небесному Отцу перед Его крестными страданиями [Виноградов, 2009: 471–472]. Эти же проблемы ставит Гоголь в образе боязливового маловеера Хомы Брута в «Вии».

В образах христианских мучеников в «Арабесках» — в «Пленнике» и «Главе из исторического романа» — проявляется еще одна характерная черта Гоголя как писателя — авторское соотнесение героев его произведений с канонизированными святыми, с людьми выдающимися в духовном отношении или с лицами из библейской истории. Для героев

«Тараса Бульбы», Тараса и Остапа, Гоголь избрал имена поборников Православия, святителей Тарасия Константинопольского и Евстафия Антиохийского (либо Евстафия Вифинского, тоже исповедника); предатель Андрий повторяет судьбу библейского Олоферна. Героине другой «миргородской» повести — «Старосветские помещики» — Гоголь дает имя такой же ревнительницы Православия св. благоверной царицы Пульхерии (эта святая — «умная» Пульхерия — дважды упоминается Гоголем в его университетской лекции «Состояние Восточной Римской империи во время религиозных споров, битв с персами и завладения земель ее арабами» 1834 г. — 8; 168). Для нерадивого героя «Вия» — Хома — Гоголь избрал имя св. апостола, получившего в народе прозвание «Неверный». Герои «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», враждующие даже в церкви, подспудно сравниваются автором с героями сразу нескольких житий: мучеником Никифором Антиохийским, преподобным Титом Печерским, блаженными Николаем и Феодором Новгородскими, блаженным Никитой Константинопольским. Герой незавершенной драмы «Альфред» — это канонизированный в Англиканской церкви за свои заслуги в религиозно-политическом объединении Англии Альфред Великий (в самой драме король Альфред сравнивается со св. царем и пророком Давидом — 7; 358). Кроме него, в первых строках «Альфреда» упоминается еще одно историческое лицо, канонизированное к церковному почитанию (7; 357), — святая мученица Эбба Младшая, игуменья Колдингэмского монастыря (память мученицы и пострадавших с ней от набега датчан инокинь (870 г.) совершается 23 августа / 5 сентября).

Особое, неожиданное преломление тема мученичества получает далее в «Арабесках» в заключительной повести цикла — «Записки сумасшедшего». Согласно предварительному названию этой повести — «Записки сумасшедш<его> мучен<ика>» (второй план «Арабесок» — 7; 702), в этой повести был выведен еще один мученик, но «мученик» принципиально иного рода. В отличие от христианских мучеников, герой «Записок сумасшедшего» страдает от своего неумного тщеславия, от приверженности к миру и его соблазнам, т. е.

мучается «распинаемый» своими страстями. В образе тщеславного чиновника «Записок сумасшедшего» Гоголь повторил черты другого своего героя — персонажа незавершенной сатирической пьесы «Владимир 3-ей степени». Герой этой комедии, мечтавший об ордене, тоже являл крайнее тщеславие — и тоже был поражаем в финале умопомешательством. По дошедшим воспоминаниям современников писателя, «голгофой» героя пьесы становилось то, что после неудачи получить Владимирский крест он становился перед зеркалом, поднимал («растопыривал») руки («так что делал из себя подобие креста») и любовался своим отражением [Виноградов. Летопись: т. 2; 248].

В описании связанной жертвы в «Пленнике», в свою очередь, подразумевается несение, до «кровавого пота», христианского креста на Голгофу: «...Он был весь с ног до головы увязан ружьями, вероятно, для сообщения неподвижности его телу. Пушечный лафет был укреплен на спине его. <...> Осветить бы месячному лучу хоть на минуту его лицо — и он бы, верно, блеснул в каплях кровавого пота, катившегося по щекам его!» [Гоголь, 1835: т. 2; 162].

XVII. Семнадцатая статья сборника — «О движении народов в конце V века» — посвящена характеристике «грубых стихий» «народов германских» (7; 331), с которыми связывается падение Римской империи и происхождение европейской цивилизации, «новой Европы» (7; 331). «Самыми предприимчивыми» из германцев называются «пираты», «бандитствовавшие в дикой Европе» (7; 333) (в борьбу с такими «пиратами» и вступил упомянутый святой «царь-патриот» Альфред Великий). Строки о «разделении Римской Империи» («Император Феодосий думал спасти ее чрез эту секуляризацию...» — 7; 340) перекликаются с пагубным разделением запорожцев под стенами Дубно в «Тарасе Бульбе» [Виноградов, 2009: 644–646].

Два года спустя мысли о «движении» древних «народов» нашли отражение в суждениях Гоголя об одном из современных общественных «движений», а именно — о «движении журнальной литературы». Статья с таким названием — «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» — была написана в 1836 г. для пушкинского «Современника». Журналистика уподобляется в этой статье «вождю» нации; журнальные

баталии описываются в терминах военных кампаний («литературный корпус», «эскадроны», «перестрелки», «нападение», «неприятель», «наезды и набеги», «счастливые завоеватели») [Виноградов, 2021а: 730–731].

Аналогичное прообразовательное «применение» образ переселяющихся народов получил у Гоголя спустя еще десять лет. По аналогии с переселением из Азии «наплывающих» одна за другой диких орд, которые скапливались на границах Римской империи (которым «определено было уничтожить, убить все <...> величие, <...> дух, <...> формы» древнего мира «и заместить всем новым»; 7; 324), Гоголем был осмыслен тогда «наплыв» в Россию во времена Петра I чужеродного европейского «просвещения». В 1834 г. Гоголь писал: «Стремление народов становилось сильно, но зато и отпор со стороны Римлян был очень силен, и потому-то на границах Римской Империи накопилось такое множество народов. <...> Наконец Римляне уступили — и тогда орды стремительно хлынули на Юг Европы. Не имей Европа Южную границу свою Средиземного моря, <...> хаос бы продолжился надолго...» (7; 325; «О движении народов в конце V века»). В 1846 г. Гоголь, формулируя свое отношение к западному влиянию в России в период преобразований Петра, в статье о русской поэзии «Выбранных мест из переписки с друзьями» почти дословно повторил слова ранней статьи: «...Уже слишком вызрело европейское просвещение, слишком велик был наплыв его, чтобы не ворваться рано или поздно со всех сторон в Россию и не произвести без такого вождя, каков был Петр, гораздо больше разладу во всем, нежели какой действительно потом наступил...» (7; 156; «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность»).

Продолжены были в статье «О движении народов в конце V века» и размышления Гоголя в «Арабесках» об управлении государством. В частности, в этой статье появился образ лицемерного христианина, короля вандалов Гензериха, «венчанного Пирата», «воздвигшего первое Государство Христианских корсаров» [Гоголь, 1835: т. 2; 217]. Образ этого христианина-лицемера (отступника, принявшего арианство), «предприимчивого вождя», разрушителя Рима, с очевидностью перекликается с замечанием рассказчика в «Невском проспекте»

о том, «как <не> идет выражение набожности роже взяточника» (3/4; 17): «Гензерих имел необыкновенное искусство грабить: после него уже никто не мог ничем поживиться. Рим, который дотоле щажен был даже язычниками, был ограблен без милосердия этим Христианским Королем...» [Гоголь, 1835: т. 2; 225]. (Тема монарха как вождя страны — не корыстолюбивого «наемника», а «пастыря» (Ин. 10:12), является также одной из ключевых для повести «Тарас Бульба», для «Ревизора» (где выведен подобный Гензериху лицемерный христианин-«властитель» — псевдо-набожный взяточник Городничий), для позднейших «Выбранных мест из переписки с друзьями» и продолжения «Мертвых душ» [Виноградов, 2017а, 2017б].) Сам Гоголь связь между гражданским и военным «аватарами»-перевоплощениями одного и того же отрицательного типа — Гензерихом и будущими героями «Ревизора» — наметил в статье «Несколько слов о Пушкине», где писал, что «дикий горец», который «зарезал своего врага» и «выжег целую деревню», сродни «нашему судье в истертом фраке, запачканном табаком, который невинным образом, посредством справок и выправок, пустил по миру множество всякого рода крепостных и свободных душ»; 7; 277.)

Образ мнимого христианина, хищного правителя (контрастный образу Альфреда Великого), оказался настолько значимым, что впоследствии размышления о Гензерихе сказались и во второй редакции гоголевского «Портрета». О Гензерихе в статье «О движении народов в конце V века» Гоголь писал: «...Среди величия и награбленных богатств им овладело то состояние духа, та свирепая задумчивость, которая сушит, мучит душу и служит близким предвестием тиранства, ужасной нравственной болезни властителя. Он стал подозревать всех окружающих и подозрение наконец простер на жену свою...» (7; 342–343). В редакции «Портрета» 1842 г. появились сразу два схожих с Гензерихом лица, в характеристике которых отразились слова статьи, ему посвященные. Это двое знатных юношей, сделавших заем у демонического ростовщика. Первый, — «юноша лучшей фамилии, отличившийся уже в молодых летах на государственном поприще», сделался после займа у ростовщика «подозрительным до такой степени, что начал наконец подозревать самого себя» (3/4; 103).

Второй, «лучший из всех молодых людей», — князь Р. претерпел ту же «страшную перемену»: «Ядом подозрительной ревности <...> отравился дотоле благородный и прекрасный характер. Он стал тираном и мучителем жены своей...» (3/4; 105).

В статье «О движении народов в конце V века» встречается также сквозное для гоголевского творчества представление о человечестве как едином организме: «...Вся Европа, несмотря на то что, по-видимому, уже казалась неподвижною, двигалась и шевелилась подобно огромному рынку» (7; 347). Впервые похожий образ появился у Гоголя в «Сорочинской ярмарке». Описывая здесь «вихрь сельской ярмарки», он упоминал о том, как «весь народ срастается в одно огромное чудовище и шевелится всем своим туловищем на площади и по тесным улицам» (1/2; 91). С движущимся единым телом народа сравниваются также воды Днепра в повести Гоголя «Страшная месть» [Гоголь, 1952b: 300]. Сходный характер носят упомянутые олицетворения человечества в образах Египта, Греции и Рима в статье «Жизнь». Такое же представление нашло отражение в картине А. А. Иванова «Явление Мессии», в разработке замысла которой, как отмечалось, участвовал Гоголь. Это образ змеи-«ехидны», которую составляет вся масса крестьящихся людей на берегу, — согласно обличениям их как «порождений» «ехидны» Спасителем и св. Иоанном Предтечей (Мф. 3:7; 12:34; 23:33; Лк. 3:7). В то самое время, когда на картине Иванова этот образ уже существовал, аналогичное образное уподобление общества единому живому — и хищному телу Гоголь употребил также в письме к критику В. Г. Белинскому. Последний утверждал, что хорошо знает современное общество. Гоголь отвечал: «...Меня изумила <...> <Ваша> отважная самонадеянность...» (14; 391); «...Как вам иметь понятие об этом громадном *страшилище*, котор<ое> <...> <ловит человека> в <...> ловушку...» (14; 391–392); «Как можно [знать] <...> этот ежеминутно меняющийся *хамелеон*?» (14; 391; курсив мой. — И. В.).

XVIII. В заключительном, восемнадцатом произведении «Арабесок» — «Записках сумасшедшего» — на примере рядового чиновника, сетующего на то, что его должностное место не дает ему возможности брать взятки («Никаких совершенно ресурсов»; 3/4; 158), изображается еще одно, наряду с частными

ссорами и общественными несогласиями, препятствие для широких планов преобразования России в духе Православия, Самодержавия, Народности — неумное честолюбие чиновника и одновременно нежелание служащих повышать свой профессиональный и духовный статус. (Аналогией такого явления в сфере образования выступает у Гоголя в сборнике «Миргород» беспечный кандидат в духовное звание бурсак Хома Брут в повести «Вий».)

Кроме обличения мнимого мученичества и проблем образования, итоговым для всего сборника является в «Записках сумасшедшего» еще один «сквозной» мотив, пронизывающий гоголевское творчество и, как уже указывалось, принципиально важный для самой композиции поэтической «энциклопедии» «Арабесок», — тема «раздробления» жизни. Согласно характеристике сборника в цитированных частных письмах Гоголя, «Арабески» представляют собой собрание «всякой всячины», «сумбур, смесь всего, кашу». В этом отношении авторским комментарием к книге могут служить также слова Гоголя в статье «Последний день Помпеи», посвященные картине Брюллова: «Мысль ее принадлежит совершенно вкусу нашего века, который вообще, как бы сам чувствуя свое страшное раздробление, стремится совокupлять все явления в общие группы...» (6; 291).

Тема «раздробления жизни» (7; 258) и соответствующие размышления о «дробности» (7; 255) и «расслабленной многосторонности» (7; 257) современных познаний представлены в нескольких произведениях цикла. В статье «Об архитектуре нынешнего времени» Гоголь писал: «Век наш так мелок, желания так разбросаны по всему, знания наши так энциклопедически, что мы никак не можем усредоточить на одном каком-нибудь предмете наших помыслов и оттого поневоле раздробляем все наши произведения на мелочи и на прелестные игрушки» (7; 265). По поводу архитектуры XVIII в. Гоголь добавлял: «Брали части и с необыкновенным излишеством лепили в огромную массу, показавшую еще никогда дотолем не бывалое разъединение в целом» (7; 258).

Сходные характеристики встречаются в «Невском проспекте»: «...Ему казалось, что какой-то демон искрошил весь мир на множество разных кусков и все эти куски без смысла,

без толку смешал вместе» (3/4; 19); в «Записках сумасшедшего»: «Что это у тебя, братец, в голове всегда ералаш такой? <...> ... Дело подчас так спутает, что сам сагана не разберет. ...» (3/4; 158). (Последние строки перекликаются с характеристикой героя «Ревизора» Хлестакова в заметке «Характеры и костюмы»: «Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли» — 3/4; 219.)

Тот же мотив, связанный с проблемой подавляющей «многосторонней» деятельности и «множественности» «наносных» познаний, дважды затрагивается в заключительной статье первого тома «Арабесок» «Ал-Мамун»: «...Для араба поле подвигов было заграждено <...> бесплодным чужестранным просвещением» (7; 351–352). Впоследствии размышления статьи «Ал-Мамун» Гоголь повторил в письме к Д. Е. Бенардаки от 29 июля (н. ст.) 1842 г. — по поводу воспитания сына последнего (12; 73), а также в образах двух наставников во втором томе «Мертвых душ» [Виноградов, 2019b: 120–123]. В 1846 г. в статье «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности» Гоголь добавлял: «Развлеченный миллионами блестящих предметов, раскидывающих мысли во все стороны, свет не в силах встретиться прямо со Христом» (6; 58). В статье «О Современнике» он отмечал: «Это энциклопедическое образование публики, <...> уже не так теперь потребно... <...> Уже все зовет ныне человека к занятиям более сосредоточенным...» (6; 206) В письме к В. Г. Белинскому 1847 г. он повторял: «Эти поверхностные энциклопедические сведения разбрасывают ум, а не сосредоточивают его» (14; 389).

В 1846 г. в статье о театре Гоголь выступал и против «односторонности», и против многостороннего рассеяния современного человека. Точнее, он возражал против «односторонности», которая не учитывает необходимости «снисхождения» к падшему, «развлеченному миллионами блестящих предметов» носителю секулярного сознания. Но цель снисхождения была неизменной — обратить современника к самоуглублению и собранности. С самого начала творчества «огромному раздроблению жизни и познаний» человека Нового времени Гоголь противопоставлял благотворное «владычество одной мысли». В «Арабесках» о религиозной эпохе Средних

веков он писал: «С мыслию о Средних веках невольно сливается мысль о крестовых походах <...> ни одна из страстей <...> не входят сюда: все проникнуто одной мыслию — освободить Гроб Божественного Спасителя! <...> Владычество одной мысли объемлет все народы» (7; 180–181 — статья «О Средних веках»).

По-видимому, именно внешняя «многосторонность», при внутреннем единстве, и стала главным композиционным принципом «Арабесок». При составлении «смеси» сборника, с одной стороны, учитывалась свойственная современникам идейная «разбросанность», с другой, — соединяя «все явления в общие группы» (6; 291), автор сообщал книге цельность, что, по его замыслу, служило ручательством обретения читателями чаемого единства. Именно этот подход был описан позднее Гоголем в статье о театре. О реальном воплощении этого авторского замысла в 1834 г. свидетельствует не только содержание цикла, но и история духовного становления Гоголя.

Подчеркивая важную, организующую роль «одной мысли», Гоголь подразумевал под этим христианскую традицию «усредоточения помыслов». Это усредоточение, или «блюдение» ума составляет неотъемлемую принадлежность святоотеческой практики, воплощенной в трудах святых Макария Великого, Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова, Никиты Стифата, Григория Паламы и др. Сохранились сведения, что на протяжении нескольких лет, в 1825–1828 гг., законоучитель Гимназии высших наук в Нежине протоиерей Павел Волинский на занятиях постоянно знакомил своих воспитанников с святоотеческим наследием (в том числе с теми творениями, которые входят в известное собрание произведений по молитвенно-созерцательному опыту монашеской жизни «Добротолюбие», о котором Гоголь упоминал позднее в письме к С. Т. Аксакову от 16 мая (н. ст.) 1844 г. (12; 392; [Виноградов. Летопись: т. 4; 496, 498]).

Всего за 1821–1828 гг. в «Христианском Чтении», статьи которого читал своим подопечным на уроках Закона Божия о. Павел Волинский, было напечатано 20 из 49-ти статей «Добротолюбия». Из тогдашних публикаций «Христианского Чтения», входящих в состав этого обширного собрания, —

[Антоний Великий], [Марк Подвижник], [Симеон, 1821; 1823], [Григорий Синаит], [Исихий], [Иоанн Карпатийский, 1827а; 1827б] и др. Напечатано было также популярное изложение святоотеческой практики: [Каким образом можно избавиться от суетных и нечистых воображений]. (См. также: [Киприан (Керн)].)

В журнале конференции Нежинской гимназии от 30 января 1826 г., в частности, значится, что на уроках «с 1-го августа по 23 декабря 1825 г. в 7, 8 и 9-м классах» о. Павлом были «прочитаны некоторые поучительные речи Василия Великого, Иоанна Златоуста, Никифора Монаха, Киприана, Макария, Исаака Сирина и многие <другие> статьи из Христианского чтения» [Виноградов. Летопись: т. 1; 508]. (Гоголь учился в этот период в седьмом классе — и за полугодие получил по Закону Божию высшую оценку [Виноградов. Летопись: т. 1; 508].) В приведенном списке святоотеческих творений, читавшихся законоучителем, в числе других обращает на себя внимание имя преподобного Никифора Монаха (Уединенника) (предшественника св. Григория Паламы). Единственное сохранившееся сочинение Никифора Монаха — «Слово о трезвлении и хранении сердца, исполненное не малой пользы». Оно включает в себя примеры из житий и наставлений св. Антония Великого, Феодосия Великого, Марка Подвижника, Иоанна Лествичника, Макария Великого, Исаака Сирина, Симеона Богослова и др. «Слово о трезвлении...» Никифора Монаха было напечатано в 1825 г. в журнале «Христианское Чтение» [Никифор Монах]. Только с этим сочинением святого, тоже входящим в состав «Добротолюбия», о. Павел Волынский мог знакомить своих подопечных (см.: [Барсов: 57]). Кроме того, в том же номере «Христианского Чтения» за 1825 г., где находится «Слово...» св. Никифора Монаха, были помещены отдельные слова и беседы св. Иоанна Златоуста, Исаака Сирина, Макария Великого (в том числе «Беседа о достоинстве бессмертной души и о том, как она искушается сатаной...» [Макарий Великий]).

Издатели «Христианского Чтения» изначально ставили своей целью «обратить внимание на писания Отцов Церкви» — «тем более, что в наше время (как отмечали издатели. — *И. В.*), по каким-то ложным понятиям, они остаются в некоторых не

только в забвении, но даже и в пренебрежении» [О цели и предметах... Христианского чтения: 12]. Каждый номер журнала открывался разделом «Писания Св. Отцев». В этом отношении «Христианское Чтение», основанное по инициативе будущего митрополита Санкт-Петербургского Григория (Постникова, 1784–1860) (в то время ректора Санкт-Петербургской Духовной академии), было одним из важных начинаний, противостоящих распространению идей так называемого «универсального христианства». Эти идеи стали господствовать в российском образовании с созданием в 1815 г. внеконфессионального религиозно-политического Священного Союза трех европейских монархов: Российского православного императора Александра I, Австрийского императора Франца I (католика), Прусского короля Фридриха Вильгельма III (протестанта). В программе журнала, помещенной в первом номере «Христианского Чтения», сообщалось: «И ныне, несмотря на очевидные действия Провидения и всеильные попечения Христианских Владык земли о распространении и утверждении истинного духа Христианской веры, <...> противный дух вводит в умы человеческие свою ложь и тьму. <...> Дух вольномыслия и нововерия бесчисленной толпы в Западном Христианстве, посредством чтения иностранных книг, давно уже проник в Отечество наше; и, бродя по разным классам народа, проникает в умы и сердца некоторых даже низших классов» [О цели и предметах... Христианского чтения: 18–19]. Это направление журнала вполне понял и оценил о. Павел Волынский, также искавший способов, как избежать в школьном преподавании новомодной мистики, навязываемой тогдашним вершителем судеб российского образования, главой Министерства духовных дел и народного просвещения князем А. Н. Голицыным (отстраненным в 1824 г. от своей должности, с упразднением его «сугубого» министерства) (подробнее об этом см., в частности: [Виноградов, 2015: 20–31]).

Позднее, 5 октября (н. ст.) 1843 г., Гоголь писал Н. М. Языкову: «Я никогда не думал, чтобы наше Христианское чтение было так интересно: там не только прекрасные переводы всех почти отцов Церкви, не только много драгоценных отрывков из рассеянных летописей первоначальных христиан, но есть

много оригинальных статей, неизвестно кому принадлежащих, очень замечательных» (12; 274). Можно предположить, что в период обучения в Нежине в журнал «Христианское Чтение» сам Гоголь не заглядывал, усваивая уроки со слуха, со слов о. Павла.

Собирание помыслов, или мысленная борьба с мирскими соблазнами, с приходящими во время молитвы отвлекающими образами и движениями мысли, именуется также трезвением и хранением ума. Сугубое внимание к внутреннему миру, откровение помыслов на исповеди являет человеку зависимость сознания от падших духов. По словам преподобного Никифора Монаха (с молитвенным опытом которого о. Павел Волынский знакомил нежинских воспитанников), «примирения и союза с Богом не иначе мы можем достигнуть, разве когда <...> войдем в себя, устраняясь от коловращения мира и суетного попечения» — так, чтобы уже не быть подверженными «никакому обману или возмущению от бесов» [Никифор Монах: 119–120]; «Главнейшее дело подвижника есть то, чтобы он, войдя в свое сердце, вступил в брань с сатаною и возненавидел его...» [Никифор Монах: 133].

Упоминания о нечистых помыслах, всеваемых человеку со стороны, встречаются во многих произведениях Гоголя — начиная с самых ранних — с «Ганца Кюхельгартена», кончая позднейшими [Виноградов, 2000: 48–50, 305–308; 2020с]. Гоголевское представление о нечистом духе как обольщающем помысле отметила, в частности, в своем дневнике Е. А. Хитрово (запись от 3 марта 1851 г.): «Когда бывало сказано: “Диавол прииде”, он говорил: “т. е. помышление”» [Виноградов. Летопись: т. 7; 40].

Проблеме помыслов непосредственно посвящена в «Арабесках» повесть «Портрет». В первой редакции этого произведения литературовед и историк И. Ф. Ерофеев, располагавший не дошедшей до нас гоголевской рукописью — сборником выписок из «Лествицы» преподобного Иоанна Синайского «Из книги: Лествица, возводящая на небо» (сборник датируется предположительно концом 1820-х гг. [Виноградов. Летопись: т. 1; 693–694]), отмечал прямую «реминисценцию» с содержанием этого несохранившегося рукописного источника [Ерофеев: 175].

Проблема борьбы с помыслами является определяющей для каждой части «Портрета». В первой выведен современный художник из числа тех, «которые не в силах были противиться адскому оболыстителю и погубили все возвышенное души своей» (7; 318). Герой второй части, «скромный, набожный живописец, какие только жили во времена религиозных Средних веков» (7; 308), испытывает те же проблемы: в частности, сообщается, что тот «чувствовал прилив таких отчаянных мыслей, которых невольно содрогался сам» (7; 312): «Дивись, сын мой, ужасному могуществу беса. Он во все силится проникнуть: в наши дела, в наши мысли и даже в самое вдохновение художника. <...> Это тот черный дух, который врывается к нам даже в минуту самых чистых и святых помышлений» (7; 317).

Итоговое произведение «Арабесок» — «Записки сумасшедшего» — замыкает эти наблюдения о природе помыслов, важные для всего цикла. Изображенный в «Записках...» внутренний мир героя как «ералаша» представляет собой обобщающую характеристику секуляризованного сознания как такового. Указанием на это служит, помимо прочего, другое авторское название повести: «Клочки из записок сумасшедшего» (первое название — «Записки сумасшедшего» — находится в оглавлении книги и на шмуцтитуле [Гоголь, 1835: т. 2; 231]; второе — непосредственно перед текстом произведения [Гоголь, 1835: т. 2; 233]). Намеренный «сумбур» «Арабесок» отзывается в «Клочках...» в мышлении сумасшедшего героя — постоянном «перескакивании» мыслей с одного предмета на другой. Повесть представляет собой интеллектуальный «срез», «историю болезни» «цивилизованного» общества в целом.

Кроме крайнего тщеславия, герой «Записок сумасшедшего» демонстрирует мелочность и бездельность занятий («...очиниваю перья для его Пр<евосходительст>ва»; 3/4; 158; «...починил <...> двадцать три пера...»; 3/4; 163; «"...Что ты делаешь?" "Как что? Я ничего не делаю"»; 3/4; 162). В таком поведении героя заключается, согласно Гоголю, одно из выражений «бездельности жизни всего человечества в массе» (5; 503; заметка «К 1-й части» «Мертвых душ»). Герой «Записок...» являет

также изрядную леность, отмечая которую, Гоголь подразумевал то, что для реального, не воображаемого повышения в чинах от «титулярного советника» требовалась сдача университетского экзамена. Круг занятий Поприщина (являющегося в этом отношении «двойником» героя «Шинели» — «вечного титулярного советника»; 3/4; 117) ограничиваются лишь «лежанием на кровати» («Дома большею частью лежал на кровати» — 3/4; 161), любовными стихами и посещением низкопробных театральные представлений.

Наряду с упоминанием о «стишках» и водевилях, иронично цитирование в «Записках сумасшедшего» традиционных романтических сентенций (заклученных в переписке собачек): «Подлинно справедливо сказал какой-то писатель, что любовь есть вторая жизнь» (3/4; 168); «Мне кажется, что разделять мысли, чувства и впечатления с другим есть одно из первых благ на свете». («Гм! мысль почерпнута из одного сочинения, переведенного с немецкого. Названия не припомню» — 3/4; 165.) «Поэтические» наклонности Поприщина, его «исторические» и политические познания содержат не только насмешку над самим героем, но обличают «пошлость» и пустоту самих книжных (романтических) изречений и таких же пустых газетных сообщений, попадающих в поле его внимания [Виноградов, 2020с: 32–33].

Согласно Гоголю, к чертам, типичным для современников, относится также сластолюбие и распутство «сумасшедшего мученика» («Я вспомнил о той... эх, канальство!..» — 3/4; 163). Отличающийся предосудительным поведением герой являет себя при этом сугубым «консерватором» — лицемерного, «скалозубовского» типа: «Эка глупый народ французы! Ну, чего хотят они? Взял бы, ей-Богу, их всех, да и перепорол розгами!» (3/4; 160–161). Поприщин рассуждает здесь подобно герою «Горя от ума» Грибоедова, «глупому фрунтовику Скалозубу», который, по гоголевской характеристике, исповедует «философски-либеральный взгляд на чины <...> как необходимые каналы к тому, чтобы попасть в генералы», и при этом «консервативно» полагает, что «весь мир можно успокоить, давши ему в Вольтеры фельдфебеля» (6; 186 — «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность»). Такой же лицемерный псевдоконсерватизм демонстрируют

у Гоголя Городничий в «Ревизоре», рассуждающий о взятках: «Это уже так Самим Богом устроено, и волтерианцы напрасно против этого говорят» (3/4; 223); и главный герой «Мертвых душ» Чичиков — сразу после совершения мошеннической сделки: «Тут он весьма кстати выбрал за либерализм, и поделом, всех молодых людей» (5; 142). Здесь Гоголь вновь возвращается к своим размышлениям о чистой юности и псевдоблагочестивой, развращенной старости, которые воплотил в «Арабесках» в статьях «О Средних веках», «Несколько слов о Пушкине», «Об архитектуре нынешнего времени», в повести «Портрет».

К типичным чертам современного человека Гоголь относил и светские «достоинства» Поприщина. Мечтающий о взятках чиновник неукоснительно блюдет «законы» «ничтожной, незначущей» моды (6; 201): «Теперь плащи носят с длинными воротниками, а на мне были коротенькие... <...>; да и сукно совсем не дегатированное» (3/4; 159). При этом действительными, государственными законами — и добросовестным служением на своем должностном поприще — чиновник Поприщин пренебрегает. (Явно подразумевая своего героя, Гоголь писал позднее в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Что значит эта мода, <...> которая теперь, как полная хозяйка, уже стала распоряжаться в домах наших, выгоняя все, что есть главнейшего и лучшего в человеке?» — 6; 201.) Веру в Поприщине, в свою очередь, замещают многочисленные новейшие суеверия и псевдонаучные «открытия» («...в Англии выплыла рыба, которая сказала два слова на таком странном языке, что ученые уже три года стараются определить...» — 3/4; 159; «...читал тоже <...> о двух коровах, которые пришли в лавку и спросили себе фунт чаю» — 3/4; 160). Поверхностность и мелочность светского круга, вожделенного для Поприщина, высмеивается и в переписке собачек: «Ах, ma chere! о каком вздоре они говорили! Они говорили о том, как одна дама в танцах вместо одной какой-то фигуры сделала другую. Также, что какой-то Бобов был очень похож в своем жабо на аиста и чуть было не упал. Что какая-то Лидина воображает, что у ней голубые глаза, между тем как они зеленые...» (3/4; 168).

Одновременно в «Записках сумасшедшего» Гоголь возвращается к проблеме поклонения «божеству» женщины, т. е.

к вопросам, которые рассматривал ранее на примере истории средневекового рыцарства, древних греков и антологических стихотворений Пушкина (см. выше). В раннем отрывке <Фонарь умирал> (в котором ощутимы мотивы по крайней мере четырех будущих петербургских повестей Гоголя — «Невского проспекта», «Носа», «Шинели» и самих «Записок сумасшедшего») сообщается: «Все для студента <...> в ослепительно божественном платье — в самом прекраснейшем белом. <...> ...Белый цвет — с ним нет сравнения. Женщина выше женщины — в белом. Она — царица, видение, все, что похоже на самую гармоническую мечту» (7; 123). В «Записках сумасшедшего» в соответствии с этими размышлениями о белом платье также подчеркивается «религиозное» отношение героя к красавице: «Святители, как она была одета!..» (3/4; 161); «Святые, какой платок!..» (3/4; 161); «...Платье на ней было белое, как лебедь...» (3/4; 161).

В финале «Арабесок» — в заключении «Записок сумасшедшего» — появляется еще одна сквозная тема гоголевского творчества: здесь звучит мучительная тоска героя *Поприщина* по своему настоящему, оставленному им поприщу — христианскому жертвенному подвигу служения России, подобному (хотя и в гражданском чине) подвигу героев «Тараса Бульбы», «Главы из исторического романа» и «Пленника». «Держава всякая сильна, / Когда устроены в ней мудро части: / Оружием — врагам она грозна, / А паруса — гражданские в ней власти», — цитировал позднее Гоголь строки крыловской басни (6; 180 — «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность»). Заключительное воззвание Поприщина предвещает в творчестве писателя изображение того «бледного отражения чувства, явления, подобного неожиданному появлению на поверхности вод утопающего», которое стало позднее одной из трагических черт образа Плюшкина в «Мертвых душах» (5; 123). Подобно тому, как проблеск настоящего чувства возникает в «мертвой душе» Плюшкина, так в последней дневниковой записи сумасшедшего Поприщина прорываются подлинная любовь к родине и молитвенное обращение к матери: «[Матушка моя, за что они мучат меня. [Царица] <Ко>ролева моя светлая [взгляни]...] <...> ...Струна звенит в тумане. С одной стороны море, с другой Италия; вон

и русские избы виднеют. <...> Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его больную головушку!..» [Гоголь, 2009b: 444; 222]. Однако последнее воззвание утопающего о спасении раздается слишком поздно и заканчивается ничем: «А знаете ли, что у алжирского дея под самым носом шишка?» (3/4; 176). — «Так и лицо Плюшкина вслед за мгновенно скользнувшим на нем чувством стало еще бесчувственней и еще пошлее» (5; 123). Гоголь и на этот раз обращается к заключенным в «Арабесках» размышлениям о юности и старости, предопределяя образом Поприщина — сорокадвухлетнего петербургского чиновника, гибнущего от своего нерадения, — будущее восклицание рассказчика в «Мертвых душах»: «Забирайте <...> с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет <...> все человеческие движения, <...> не подымете потом!» (5; 124). Об этих же проблемах, посвященных спасительному удержанию «на поверхности <...> утопающих», Гоголь размышлял позднее в главе «Страхи и ужасы России» «Выбранных мест из переписки с друзьями» («...всяк из нас <...> должен <...> ухватиться за свою должность, как утопающий хватается за доску...» — 6; 131), в «Авторской исповеди» («...Назначенье человека — служить и вся жизнь наша есть служба — 6; 244). В свою очередь описание в «Портрете» редакции «Арабесок» обитателей петербургской Коломны явилось затем основой для характеристики не только Плюшкина, но и других героев-помещиков первого тома «Мертвых душ» — Манилова, Коробочки, Ноздрева и Собакевича [Виноградов, 2017a; 2017b]. (Во второй редакции «Портрета», изданной в 1842 г., описания коломенских обывателей были сняты, и связанная с этими образами проблематика таким образом была перенесена, но — в другой редакции, в новое произведение, в первый том поэмы.) Подобным образом и «тройка быстрых, как вихорь, коней» (3/4; 176), которую требует на последней странице сборника безумец Поприщин, «с полной необходимостью появится затем в конце первого тома поэмы» [Паламарчук: 389].

Отмечено, что насыщенная, сосредоточенная мысль, пронизывающая все произведения «Арабесок», объясняется следованием Гоголя «испытанному тысячелетиями искусству

нравственной проповеди — гомилетики», и само его творчество являет собой некий завершающий этап «третьего южнославянского влияния» на Руси, «высшим достижением» которого для XVIII в. выступает наследие св. Димитрия Ростовского, а для XIX в. — творчество Гоголя: «И впервые во всем блеске подобное искусство выказало себе именно в “Арабесках”» [Паламарчук: 388]. Впоследствии в статье о русской поэзии «Выбранных мест из переписки с друзьями» сам Гоголь указал на «слово церковных пастырей» как важнейший источник самобытного творчества (6; 155–156). В. А. Десницкий подчеркивал: «Наличие этой струи в художественной литературе особенно характерно для Украины, где и городское и сельское духовенство не было так обособлено от помещичьего дворянства, как в Великороссии, и где развитие церковной проповеди шло иными путями. Учесть же эту “струю” было особенно важно, потому что в ней органически связываются публицистическая и художественная ткани гоголевского творчества...» [Десницкий: 31–32].

Единство гоголевской поэтической энциклопедии — сборника «Арабески» — проявляется на всех уровнях ее поэтики — в композиции, содержании, проблематике, жанровом составе (художественных, литературно-критических и научных формах выражения); обнаруживается в связях повестей и статей, вошедших в сборник, с другими произведениями и художественными и духовно-публицистическими циклами Гоголя («Миргород», «Мертвые души», «Театральный разъезд после представления новой комедии», «Выбранные места из переписки с друзьями» и др.). Осмысленные как неразрывное целое разнообразные мотивы и черты, присущие гоголевскому циклу, позволяют обозначить его принципиальное значение в наследии художника (остававшееся до настоящего времени непроявленным), увидеть этот цикл как характерное, необходимое звено в художественном становлении и последовательном духовном развитии писателя — без надуманных, в духе В. Г. Белинского, противопоставлений Гоголя «раннего» и «позднего» периодов творчества.

Примечания

- ¹ К первой группе относятся статьи «Скульптура, живопись, музыка», «Несколько слов о Пушкине», «Об архитектуре нынешнего времени», «Жизнь», «О малороссийских песнях», «Последний день Помпеи»; ко второй — «О Средних веках», «О преподавании Всеобщей истории», «Взгляд на составление Малороссии», «Ал-Мамун», «Шлецер, Миллер и Гердер», «Мысли о географии», «О движении народов в конце V века»; к третьей — «Глава из исторического романа», отрывок «Пленник», повести «Портрет», «Невский проспект», «Записки сумасшедшего».
- ² В 1842 г. Гоголь, издавая первое прижизненное собрание сочинений, отказался от замысла «Арабесок» как единого целого, поместив в третий том собрания лишь три повести из этого цикла. (При этом «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород» составили первый и второй тома издания в их первоначальном виде.) Однако в конце жизни Гоголь вернулся к раннему сборнику, предполагая напечатать несколько статей из «Арабесок» вместе с письмами-статьями «Выбранных мест из переписки с друзьями» (см.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. Т. 6. С. 259–260; далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках).
- ³ Гоголь Н. В. Александр <Македонский> // ОР РГБ. Ф. 74. К. 3. Ед. хр. 9. 1 л.
- ⁴ Здесь и далее в цитатах в квадратных скобках приводятся варианты черновой редакции произведения.
- ⁵ Отмечено: [Шишкин: 221].

Список литературы

1. <Антоний Великий, прп.>. Святаго Отца нашего Антония Велико-го наставления для нравственности человек и доброй жизни, во 170 главах // Христианское Чтение. 1821. Ч. 1. С. 237–297.
2. <Барсов Н. И.> Систематический указатель к «Христианскому чтению» за 1821–1870 годы / сост. Н. Б. <Н. И. Барсов>. СПб.: Тип. Департамента Уделов, 1871. 144 с.
3. Беляков В. В. Сфинксы над Невой. Египет в русской культуре. М.: ИВ РАН, 2015. 192 с.
4. Бочаров С. Г. Комментарий. <...> Несколько слов о Пушкине // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наука, 2009. Т. 3: Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя / Тексты подготовила Л. В. Дерюгина; коммент. подготовили С. Г. Бочаров, Л. В. Дерюгина. С. 665–686.
5. <Вакенродер В. Г.> Об искусстве и художниках: размышления отшельника, любителя изящного, изданные Л. Тиком / пер. с нем. <С. П. Шевырева, В. П. Титова и Н. А. Мельгунова>. М.: В Тип. С. Селивановского, 1826. 315 с.

6. Виноградов И. А. Гоголь — художник и мыслитель: христианские основы мирозерцания. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. 448 с.
7. Виноградов И. А. Н. В. Гоголь и А. А. Иванов. К истории создания картины «Явление Мессии» // Виноградов И. А. Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. Научное издание. М.: ИД «XXI век — Согласие», 2001. С. 670–708.
8. Виноградов И. А. Комментарий // Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий / изд. подгот. И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 385–656.
9. Виноградов И. А. Гоголь в Нежинской гимназии высших наук: из истории образования в России. Научное издание. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 352 с.
10. Виноградов И. А. «Величественная ода». Гоголь о стихотворении Пушкина «К Н***» // Проблемы исторической поэтики. 2016. Вып. 14. С. 140–154 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482475491.pdf (15.02.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2016.3521 (a)
11. Виноградов И. А. «История государства Российского» в творческом наследии Гоголя // А. П. Сумароков и Н. М. Карамзин в литературном процессе России XVIII — первой трети XIX в. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 141–183. (b)
12. Виноградов И. А. Гоголь о поэзии и схоластике. (К авторскому определению жанра «Мертвых душ») // Творчество Н. В. Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, Москва, 23–24 марта; Вена 26–27 марта 2015 г. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2016. С. 226–233. (c)
13. Виноградов И. А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 3. С. 7–18. (a)
14. Виноградов И. А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» (продолжение) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 4. С. 51–67. (b)
15. Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808). Научное издание: в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018. Т. 1–7. 736 + 672 + 672 + 704 + 928 + 656 + 640 с.
16. Виноградов И. А. Литературная проповедь Н. В. Гоголя: pro et contra // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 2. С. 49–124 [Электронный ресурс]. URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1530266349.pdf (15.02.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5181
17. Виноградов И. А. «Когда в товарищах согласья нет...» А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, С. С. Уваров // Два века русской классики. 2019. Т. 1. № 1. С. 34–103 [Электронный ресурс]. URL: <http://rusklassika.ru/images/2019-1-2/02.pdf> (15.02.2021). DOI: 10.22455/2686-7494-2019-1-1-34-103 (a)

18. Виноградов И. А. Образ монарха-наставника в творчестве Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 111–134 [Электронный ресурс]. URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1562595168.pdf (15.02.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6202 (b)
19. Виноградов И. А. Эволюция текста: авторский комментарий Н. В. Гоголя к поэтике комедии «Ревизор» // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 146–174. [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1582891918.pdf (15.02.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7202 (a)
20. Виноградов И. А. Концепт закона в творчестве Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 2. С. 64–86 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1591635891.pdf (15.02.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7942 (b)
21. Виноградов И. А. Психологизм Н. В. Гоголя // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 4. С. 6–73 [Электронный ресурс]. URL: http://rusklassika.ru/images/2020-4/1_.pdf (15.02.2021). DOI: 10.22455/2686-7494-2020-2-4-6-73 (c)
22. Виноградов И. А. Мифы о смерти Н. В. Гоголя: источники, становление, поэтика // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 4. С. 99–137 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1604141019.pdf (15.02.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7762 (d)
23. Виноградов И. А. «На поприще полемическом»: Гоголь — журналист и публицист // Очерки истории русской публицистики первой трети XIX века / отв. ред. О. А. Крашенинникова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 701–760. (a)
24. Виноградов И. А. Н. В. Гоголь и цензура. Взаимоотношения художника и власти как ключевая проблема гоголевского наследия. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 864 с. (b)
25. <Висконти П. Е.> Обществу Поощрения Художников в Санкт-Петербурге. От П. Е. Висконти / с италийского В. Лангер // Журнал Министерства Внутренних Дел. 1833. № 10. Прибавление к 10 № Ж. М. В. Д. за 1833 год. С. 3–20.
26. <Гоголь Н. В.> Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала. Малороссийская повесть (из народного предания), рассказанная дьячком Покровской церкви // Отечественные Записки. 1830. Ч. 41. Февраль. № 118. С. 238–264.
27. <Гоголь Н. В.> Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя. СПб.: В Тип. вдовы Плюшар с сыном, 1835. Ч. 1–2. 287 + 276 с.
28. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> <Л.>: АН СССР, 1952. Т. 8. 816 с. (a)
29. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> <Л.>: АН СССР, 1952. Т. 14. 487 с. (b)
30. Гоголь Н. В. Арабески / подгот. текстов, послесл., примеч. П. Паламарчука; <художник> Ю. Селивёрстов. М.: Молодая гвардия, 1990. 431 с.
31. <Гоголь Н. В.> Неизданный Гоголь / изд. подгот. И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. 600 с.

32. Гоголь Н. В. Арабески / изд. подгот. В. Д. Денисов. СПб.: Наука, 2009. 512 с. (а)
33. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. / тексты подгот. Л. В. Дерюгина; коммент. подгот. С. Г. Бочаров, Л. В. Дерюгина. М.: Наука, 2009. Т. 3: Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя. 1016 с. (b)
34. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. Т. 1–17. 664 + 688 + 680 + 744 + 816 + 720 + 968 + 392 + 488 + 704 + 592 + 608 + 624 + 816 + 936 с.
35. <Григорий Синаит, прп.>. Святого Отца нашего Григория Синайского Весьма полезные главы о разных духовных предметках // Христианское Чтение. 1824. Ч. 16. С. 115–168, 233–263.
36. Григорович В. Древние Египетские Сфинксы в Санктпетербурге // Северная Пчела. 1832. 13 июня. № 133. С. 2–4.
37. Дерюгина Л. В. Скульптура, живопись и музыка. <Комментарий> // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наука, 2009. Т. 3: Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя / тексты подгот. Л. В. Дерюгина; коммент. подгот. С. Г. Бочаров, Л. В. Дерюгина. С. 504–524.
38. Десницкий В. А. О пределах спецификации в литературной науке // В борьбе за марксизм в литературной науке: сб. статей. Л.: Прибой, 1930. С. 7–46.
39. Долгополов Л. К. Гоголь в начале 1840-х годов («Портрет» и «Тарас Бульба»: вторые редакции в связи с началом духовного кризиса) // Русская литература. 1969. № 2. С. 82–104.
40. Ерофеев Ив. Новый рукопис Гоголя. (3 рукописного відділу Музею Слободської України) // Червоний Шлях. Харків, 1926. № 2. С. 175–176.
41. <Иоанн Карпатийский (Карпатский), прп.>. Преподобного Отца нашего Иоанна Карпатского Сто утешительных глав к Индийским Монахам, писавшим к нему // Христианское Чтение. 1827. Ч. 26. С. 134–187. (а)
42. <Иоанн Карпатийский (Карпатский), прп.>. Святого Отца нашего Иоанна Карпатского Слово подвижническое и весьма утешительное к монахам, писавшим к нему из Индии, служащее дополнением к 100 главам // Христианское Чтение. 1827. Ч. 26. С. 296–306. (b)
43. <Исихий, пресвитер Иерусалимский, прп.>. Исихия Пресвитера к Феодулу Слово душеполезное и спасительное, о трезвении и добродетели, разделенное на <203> главы // Христианское Чтение. 1827. Ч. 25. С. 131–222.
44. Каким образом можно избавиться от суетных и нечистых воображений // Христианское Чтение. 1822. Ч. 1. С. 298–317.
45. Киприан <Керн>, архим. Антропология Св. Григория Паламы. Париж: YMCA-PRESS, 1950. 453 с.
46. <Макарий Великий, прп.>. Преподобного Отца нашего Макария Великого Беседа о достоинстве, превосходстве, силе и действии бессмертной души, и о том, как она искушается сатаной и освобождается от его искушений // Христианское Чтение. 1825. Ч. 19. С. 3–29.

47. <Марк Подвижник, прп.>. Преподобного и Богоносного Отца нашего Марка Подвижника о законе духовном 200 глав // Христианское Чтение. 1821. Ч. 3. С. 237–266.
48. <Никифор Монах, прп.>. Никифора Монаха Слово о трезвлении и хранении сердца, исполненное не малой пользы // Христианское Чтение. 1825. Ч. 19. С. 119–143.
49. О Египетских Сфинксах, привезенных в С. Петербург // Журнал Министрства Внутренних Дел. 1832. № 2. С. 91–94.
50. О цели и предметах предлагаемого Христианского Чтения // Христианское Чтение. 1821. Ч. 1. С. 3–28.
51. Паламарчук П. Г. Узор «Арабесок» // Гоголь Н. В. Арабески / подгот. текстов, послесл., примеч. П. Паламарчука; <художник> Ю. Селивёрстов. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 378–390.
52. Пушкин А. Евгений Онегин. Глава IV и <глава> V. СПб.: В Тип. Департамента Народного Просвещения, 1828. 93 с. (а)
53. <Пушкин А. С.> Руслан и Людмила. Поэма Александра Пушкина. 2-е изд., испр. и умнож. СПб.: В Тип. Департамента народного просвещения. 1828. XVI + 159 с. (б)
54. <Пушкин А. С.> Герой // Телескоп. 1831. № 1. С. 46–48.
55. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: АН СССР, 1949. Т. 11: Критика и публицистика, 1819–1834 / ред. В. В. Гиппиус, Б. М. Эйхенбаум, Б. В. Томашевский, С. М. Бонди, Н. В. Измайлов, В. В. Виноградов, Б. С. Мейлах, Б. И. Коплан, А. И. Заозерский; общ. ред. В. В. Гиппиус, Б. В. Томашевский, Б. М. Эйхенбаум. 600 с.
56. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: АН СССР, 1937. Т. 13: Переписка, 1815–1827 / ред. Д. Д. Благой. 651 с.
57. <Рейналь Г. Т.> О религии Одина. О его кровожадном учении. Разрушение сей системы Христианством // <Рейналь Г. Т.> Философическая и политическая история о заведениях и коммерции Европейцев в обеих Индиях, сочиненная Аббатом Рейналем. пер. с фр. 2-е изд. СПб.: В Тип. И. Глазунова, 1834. Ч. 2. С. 156–158.
58. <Симеон Новый Богослов, прп.>. Преподобного Отца нашего Симеона нового Богослова Слово о Вере // Христианское Чтение. 1821. Ч. 1. С. 142–161.
59. <Симеон Новый Богослов, прп.>. Преподобного Отца нашего Симеона нового Богослова 152 Деятельные и Богословские Главы // Христианское Чтение. 1823. Ч. 12. С. 3–94.
60. Фридендер Г. М. Несколько слов о Пушкине. <Комментарий> // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> <Л.>: АН СССР, 1952. Т. 8. С. 756–758.
61. Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя: в 4 т. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1892. Т. 1. 386 с.
62. Шишкин А. Б. «На пире Платона во время чумы»: к интерпретации пушкинской «маленькой трагедии» // Литературный факт. 2021. № 2 (20). С. 216–237 [Электронный ресурс]. URL: http://litfact.ru/images/2021-20/2021-2-20_216-237_Shishkin.pdf (15.02.2021). DOI: 10.22455/2541-8297-2021-20-216-237

References

1. Antony Velikiy, Reverend. Our Holy Father Anthony the Great Instruction for the Morality of People and a Good Life, in 170 Chapters. In: *Khristianskoe Chtenie* [Christian Reading], 1821, part 1, pp. 237–297. (In Russ.)
2. Barsov N. I. *Sistematicheskii ukazatel' k «Khristianskomu chteniyu» za 1821–1870 gody* [Systematic Index to “Christian Reading” for 1821–1870]. St. Petersburg, Tipografiya Departamenta Udelov Publ., 1871. 144 p. (In Russ.)
3. Belyakov V. V. *Sfinksy nad Nevoy. Egipet v russkoy kul'ture* [Sphinxes on the Banks of Neva. Egypt in Russian Culture]. Moscow, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 192 p. (In Russ.)
4. Bocharov S. G. A Comment. <...> A Few Words About Pushkin. In: *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 23 tomakh* [Gogol N. V. The Complete Works and Letters: in 23 Vols]. Moscow, Nauka Publ., 2009, vol. 3: Arabesque. Various Works of N. Gogol, pp. 665–686. (In Russ.)
5. Vakenroder V. G. *Ob iskusstve i khudozhnikakh: razmyshleniya otshel'nika, lyubitelya izyashchnogo, izdannye L. Tikom* [About Art and Artists. Reflections of the Hermit, the Lover of the Graceful, Published by Tieck]. Moscow, v Tipografii S. Selivanovskogo Publ., 1826. 315 p. (In Russ.)
6. Vinogradov I. A. *Gogol' — khudozhnik i myslitel': khristianskie osnovy mirosozertsaniya* [Gogol as an Artist and a Thinker: Christian Foundations of the Worldview]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., “Nasledie” Publ., 2000. 448 p. (In Russ.)
7. Vinogradov I. A. N. V. Gogol and A. A. Ivanov. On the History of the Creation of the Painting “The Appearance of the Messiah”. In: *Vinogradov I. A. Aleksandr Ivanov v pis'makh, dokumentakh, vospominaniyakh* [Vinogradov I. A. Alexander Ivanov in Letters, Documents, Memories]. Moscow, Izdatel'skii Dom «XXI vek — Soglasie» Publ., 2001, pp. 670–708. (In Russ.)
8. Vinogradov I. A. A Comment. In: *Gogol' N. V. Taras Bul'ba. Avtografy, prizhiznennyye izdaniya. Istoriko-literaturnyy i tekstologicheskii kommentariy* [Gogol N. V. Taras Bulba. Autographs, Lifetime Editions. Historical, Literary and Textual Commentary]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 385–656. (In Russ.)
9. Vinogradov I. A. *Gogol' v Nezhinskoy gimnazii vysshikh nauk: iz istorii obrazovaniya v Rossii* [Gogol in the Nezhin High School: From the History of Education in Russia]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 352 p. (In Russ.)
10. Vinogradov I. A. “The Majestic Ode”. Gogol About Pushkin's Poem “To N***”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2016, issue 14, pp. 140–154. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482475491.pdf (accessed on February 15, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2016.3521 (In Russ.) (a)
11. Vinogradov I. A. “History of the Russian State” in Gogol's Creative Heritage. In: *A. P. Sumarokov i N. M. Karamzin v literaturnom protsesse Rossii XVIII — pervoy treti XIX v.* [A. P. Sumarokov and N. M. Karamzin in the Literary

- Process of Russia in the 18th — the First Third of the 19th Centuries*]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 141–183. (In Russ.) (b)
12. Vinogradov I. A. Gogol About Poetry and Scholasticism. (To the Author's Definition of the Genre of "Dead Souls"). In: *Tvorchestvo N. V. Gogolya i evropeyskaya kul'tura. Pyatnadsatye Gogolevskie chteniya: sbornik nauchnykh statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Moskva, 23–24 marta; Vena, 26–27 marta 2015 g.* [The Works of N. Gogol and European Culture. Fifteenth Gogol Readings: Collection of Scientific Articles on the Materials of the International Scientific Conference. Moscow, March 23–24; Vienna, March 26–27, 2015]. Moscow, Novosibirsk, Novosibirskiy izdatel'skiy dom Publ., 2016, pp. 226–233. (In Russ.) (c)
  13. Vinogradov I. A. Blessed Are the Peacemakers. From the Story of the Two Ivans to the Idea of "Dead Souls". In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [MSU Vestnik. Series 9: Philology], 2017, no. 3, pp. 7–18. (In Russ.) (a)
  14. Vinogradov I. A. Blessed Are the Peacemakers. From the Story of the Two Ivans to the Idea of "Dead Souls" (The Continuation). In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [MSU Vestnik. Series 9: Philology], 2017, no. 4, pp. 51–67. (In Russ.) (b)
  15. Vinogradov I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolya (1809–1852). S rodoslovnoy letopis'yu (1405–1808): v 7 tomakh* [Chronicle of Life and Works of N. V. Gogol (1809–1852). With a Genealogical Chronicle (1405–1808): in 7 Vols]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017–2018, vol. 1–7. 736 + 672 + 672 + 704 + 928 + 656 + 640 p. (In Russ.)
  16. Vinogradov I. A. The Literary Sermon of N. Gogol: Pro et Contra. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2018, vol. 16, no. 2, pp. 49–124. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1530266349.pdf (accessed on February 15, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5181 (In Russ.)
  17. Vinogradov I. A. "When there Is no Agreement Among Comrades..." A. S. Pushkin, N. V. Gogol, S. S. Uvarov. In: *Dva veka russkoy klassiki* [Two Centuries of the Russian Classics], 2019, vol. 1, no. 1, pp. 34–103. Available at: <http://rusklassika.ru/images/2019-1-2/02.pdf> (accessed on February 15, 2021). DOI: 10.22455/2686-7494-2019-1-1-34-103 (In Russ.) (a)
  18. Vinogradov I. A. The Image of the Monarch-Mentor in the Works of N. V. Gogol. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2019, vol. 17, no. 2, pp. 111–134. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1562595168.pdf (accessed on February 15, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6202 (In Russ.) (b)
  19. Vinogradov I. A. The Evolution of the Text: The Author's Comment by N. V. Gogol on the Poetics of the Comedy "The Government Inspector". In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 1, pp. 146–174. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1582891918.pdf (accessed on February 15, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7202 (In Russ.) (a)

20. Vinogradov I. A. The Concept of Law in the Works of Nikolay Gogol. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 64–86. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1591635891.pdf (accessed on February 15, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7942 (In Russ.) (b)
21. Vinogradov I. A. Psychology of Nikolai Gogol. In: *Dva veka russkoy klassiki [Two Centuries of the Russian Classics]*, 2020, vol. 2, no. 4, pp. 6–73. Available at: http://rusklassika.ru/images/2020-4/1_.pdf (accessed on February 15, 2021). DOI: 10.22455/2686-7494-2020-2-4-6-73 (In Russ.) (c)
22. Vinogradov I. A. Myths About the Death of N. V. Gogol: Sources, Genesis, Poetics. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 4, pp. 99–137. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1604141019.pdf (accessed on February 15, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7762 (In Russ.)
23. Vinogradov I. A. “In the Polemical Field”: Gogol as a Journalist and Publicist. In: *Ocherki istorii russkoy publitsistiki pervoy treti XIX veka [Essays on the History of Russian Journalism in the First Third of the 19th Century]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021, pp. 701–760. (In Russ.) (a)
24. Vinogradov I. A. N. V. Gogol’ i tsenzura. Vzaimootnosheniya khudozhnika i vlasti kak klyuchevaya problema gogolevskogo naslediya [N. V. Gogol and Censorship. The Relationship of the Artist and the Authorities as Key Problem of Gogol’s Heritage]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021. 864 p. (In Russ.)
25. Viskonti P. E. To the Society for the Encouragement of Artists in St. Petersburg. From P. E. Visconti. In: *Zhurnal Ministerstva Vnutrennikh Del [Journal of the Ministry of Internal Affairs]*, 1833, no. 10. Addition to no. 10 of Journal of the Ministry of Internal Affairs for 1833, pp. 3–20. (In Russ.)
26. Gogol’ N. V. Bisavryuk, or The Evening on the Eve of Ivan Kupala. Little Russian Story (from Folk Tradition), Narrated by the Clerk of the Intercession Church. In: *Otechestvennyye Zapiski*, 1830, part 41, February, no. 118, pp. 238–264. (In Russ.)
27. Gogol’ N. V. Arabeski. Raznye sochineniya N. Gogolya [Arabesques. Various Works by N. Gogol]. St. Petersburg, v Tipografii vdovy Plyushar s synom Publ., 1835, part 1–2. 287 + 276 p. (In Russ.)
28. Gogol’ N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh [The Complete Works: in 14 Vols]*. Leningrad, the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952, vol. 8. 816 p. (In Russ.) (a)
29. Gogol’ N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh [The Complete Works: in 14 Vols]*. Leningrad, the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952, vol. 14. 487 p. (In Russ.) (b)
30. Gogol’ N. V. *Arabeski [Arabesques]*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1990. 431 p. (In Russ.)
31. Gogol’ N. V. *Neizdannyy Gogol’ [The Unpublished Gogol]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., “Nasledie” Publ., 2001. 600 p. (In Russ.)

32. Gogol' N. V. *Arabeski* [Arabesques]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009. 512 p. (In Russ.)
33. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 23 tomakh* [The Complete Works and Letters: in 23 Vols]. Moscow, Nauka Publ., 2009, vol. 3: Arabesque. Various Works of N. Gogol. 1016 p. (In Russ.)
34. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh (15 knigakh)* [The Complete Works and Letters: in 17 Vols (15 Books)]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009–2010, vol. 1–17. 664 + 688 + 680 + 744 + 816 + 720 + 968 + 392 + 488 + 704 + 592 + 608 + 624 + 816 + 936 p. (In Russ.)
35. Grigoriy Sinaït, Reverend. Our Holy Father Gregory of Sinai Very Useful Chapters on Various Spiritual Subjects. In: *Khristianskoe Chtenie* [Christian Reading], 1824, part 16, pp. 115–168, 233–263. (In Russ.)
36. Grigorovich V. Saint Petersburg's Ancient Egyptian Sphinxes. In: *Severnaya Pchela* [Northern Bee], 1832, June 13, no. 133, pp. 2–4. (In Russ.)
37. Deryugina L. V. Sculpture, Painting and Music. A Comment. In: *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 23 tomakh* [Gogol' N. V. The Complete Works and Letters: in 23 Vols]. Moscow, Nauka Publ., 2009, vol. 3: Arabesque. Various Works of N. Gogol, pp. 504–524. (In Russ.)
38. Desnitskiy V. A. O predelakh spetsifikatsii v literaturnoy nauke [On the Limits of Specification in Literary Science]. In: *V bor'be za marksizm v literaturnoy nauke. Sbornik statey* [In the Struggle for Marxism in Literary Science. Digest of articles]. Leningrad, Priboy Publ., 1930, pp. 7–46. (In Russ.)
39. Dolgopolov L. K. Gogol in the Early 1840s (“The Portrait” and “Taras Bulba”: Second Editions in Connection with the Beginning of the Spiritual Crisis). In: *Russkaya literatura*, 1969, no. 2, pp. 82–104. (In Russ.)
40. Erofiiv Iv. Gogol's New Manuscript. (From the Manuscript Department of the Museum of Slobodskoi Ukraine). In: *Chervoniy Shlyakh*. Kharkiv, 1926, no. 2, pp. 175–176. (In Ukrainian)
41. Ioann Karpatiyskiy (Karpatskiy). Our Reverend Father John of Karpathos One Hundred Consoling Chapters to the Indian Monks who Wrote to Him. In: *Khristianskoe Chtenie* [Christian Reading], 1827, part 26, pp. 134–187. (In Russ.) (a)
42. Ioann Karpatiyskiy (Karpatskiy). Our Holy Father John of Karpathos Word Is Ascetic and Very Consolatory to the Monks who Wrote to Him from India, Serving as an Addition to 100 Chapters. In: *Khristianskoe Chtenie* [Christian Reading], 1827, part 26, pp. 296–306. (In Russ.) (b)
43. Isikhiy, Presbyter of Jerusalem, Reverend. Hesychiy Presbyter to Theodoulos A Soulful and Saving Word About Sobriety and Virtue, Divided into 203 Chapters. In: *Khristianskoe Chtenie* [Christian Reading], 1827, part 25, pp. 131–222. (In Russ.)
44. How Can One Get Rid of Vain and Impure Imaginations. In: *Khristianskoe Chtenie* [Christian Reading], 1822, part 1, pp. 298–317. (In Russ.)
45. Kiprian (Kern), Archimandrite. *Antropologiya Sv. Grigoriya Palamy* [Anthropology of St. Gregory Palamas]. Paris, YMCA-PRESS Publ., 1950. 453 p. (In Russ.)

46. Makariy Velikiy, Reverend. Discourse of Our Reverend Father Macarius the Great on the Dignity, Superiority, Strength and Action of the Immortal Soul, and How it Is Tempted by Satan and Freed from His Temptations. In: *Khristianskoe Chtenie [Christian Reading]*, 1825, part 19, pp. 3–29. (In Russ.)
47. Mark Podvizhnik, Reverend. Our Reverend and God-bearing Father Mark the Ascetic About the Spiritual Law 200 Chapters. In: *Khristianskoe Chtenie [Christian Reading]*, 1821, part 3, pp. 23–266. (In Russ.)
48. Nikifor Monakh, Reverend. Nikephoros the Monk’s Word About Sobriety and Preservation of the Heart, Full of no Small Benefit. In: *Khristianskoe Chtenie [Christian Reading]*, 1825, part 19, pp. 119–143. (In Russ.)
49. About the Egyptian Sphinxes Brought to St. Petersburg. In: *Zhurnal Ministerstva Vnutrennikh Del [Journal of the Ministry of Internal Affairs]*, 1832, no. 2, pp. 91–94. (In Russ.)
50. About the Purpose and Subjects of the Proposed Christian Reading. In: *Khristianskoe Chtenie [Christian Reading]*, 1821, part 1, pp. 3–28. (In Russ.)
51. Palamarchuk P. G. “Arabesques” Pattern. In: *Gogol’ N. V. Arabeski [Gogol N. V. Arabesques]*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1990, pp. 378–390. (In Russ.)
52. Pushkin A. S. *Evgeniy Onegin. Glava IV i glava V [Eugene Onegin. Chapter 4 and Chapter 5]*. St. Petersburg, v Tipografii Departamenta Narodnogo Prosveshcheniya Publ., 1828. 93 p. (In Russ.)
53. Pushkin A. S. *Ruslan i Lyudmila. Poema Aleksandra Pushkina [Ruslan and Ludmila. Poem by Alexander Pushkin]*. St. Petersburg, v Tipografii Departamenta Narodnogo Prosveshcheniya Publ., 1828. 159 p. (In Russ.)
54. Pushkin A. S. Hero. In: *Teleskop*, 1831, no. 1, pp. 46–48. (In Russ.)
55. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 16 tomakh [The Complete Works: in 16 Vols]*. Moscow, Leningrad, the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949, vol. 11. 600 p. (In Russ.)
56. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 16 tomakh [The Complete Works: in 16 Vols]*. Moscow, Leningrad, the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1937, vol. 13. 651 p. (In Russ.)
57. Reynal’ G. T. About the Religion of Odin. About his Bloodthirsty Teaching. Destruction of this System by Christianity. In: *Reynal’ G. T. Filosoficheskaya i politicheskaya istoriya o zavedeniyakh i komertsii Evropeytsev v obeikh Indiyakh, sochinennaya Abbatom Reynalem [Philosophical and Political History of the Settlements and Trade of the Europeans in the East and West Indies, Composed by Abbot Reynal]*. St. Petersburg, v Tipografii I. Glazunova Publ., 1834, part 2, pp. 156–158. (In Russ.)
58. Simeon Novyy Bogoslov, Reverend. Word About Faith of Our Reverend Father Simeon the New Theologian. In: *Khristianskoe Chtenie [Christian Reading]*, 1821, part 1, pp. 142–161. (In Russ.)
59. Simeon Novyy Bogoslov, Reverend. The 152 Activity and Theological Chapters of Our Reverend Father Simeon the New Theologian. In: *Khristianskoe Chtenie [Christian Reading]*, 1823, part 12, pp. 3–94. (In Russ.)

60. Fridlender G. M. A Few Words About Pushkin. A Comment. In: *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh* [Gogol N. V. *The Complete Works: in 14 Vols*]. Leningrad, the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952, vol. 8, pp. 756–758. (In Russ.)
61. Shenrok V. I. *Materialy dlya biografii Gogolya: v 14 tomakh* [Materials for the Biography of Gogol: in 4 Vols]. Moscow, Tipografiya A. I. Mamontova i K° Publ., 1892, vol. 1. 386 p. (In Russ.)
62. Shishkin A. B. “At Plato’s Feast in Time of Plague”: on Interpretations of A. S. Pushkin’s “Little Tragedy”. In: *Literaturnyy fakt* [Literary Fact], 2021, no. 2 (20), pp. 216–237. Available at: http://litfact.ru/images/2021-20/2021-2-20_216-237_Shishkin.pdf (accessed on February 15, 2021). DOI: 10.22455/2541-8297-2021-20-216-237 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Виноградов Игорь Алексеевич, Igor' A. Vinogradov, PhD (Philology), доктор филологических наук, главный научный сотрудник, ФГБУН Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук (ул. Поварская, 25а, г. Москва, Российская Федерация, 121069); ORCID: [https://orcid.org/0000-0002-9151-4554](https://orcid.org/0000-0002-0002-9151-4554); e-mail: info@imli.ru. Chief Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature, The Russian Academy of Sciences (ul. Povarskaya 25a, Moscow, 121069, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>; e-mail: info@imli.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.03.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.06.2021

Принята к публикации / Accepted 02.09.2021

Дата публикации / Date of publication 15.11.2021